

Валентина
Осеева

Васёк
Трубачёв
и его товарищи
Все повести

Вся детская классика

Валентина Осеева

**Васёк Трубачёв и его
товарищи. Все повести**

«ФТМ»

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-34
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Осеева В. А.

Васёк Трубочёв и его товарищи. Все повести / В. А. Осеева —
«ФТМ», «Издательство АСТ», 2018 — (Вся детская классика)

ISBN 978-5-17-106991-9

В 1947-1951 годах был написан роман «Васёк Трубочёв и его товарищи». Он состоит из 3-х частей. В первой части Васёк Трубочёв и его друзья обычные школьники, они дружат, совершают правильные и неправильные поступки, учатся честности и благородству. Во второй части начинается война, а в третьей подростки помогают взрослым в тылу и пытаются одолеть школьную программу самостоятельно. Ребята становятся старше, решают невыполнимые задачи и становятся настоящими ответственными людьми. «Васёк Трубочёв и его товарищи» — книга о незаметном взрослении и становлении человека, которая будет интересна, как детям, так и взрослым. В 1955 и в 1957 году первые две части романа были экранизированы («Васёк Трубочёв и его товарищи» и «Отряд Трубочёва сражается»). Для среднего школьного возраста. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1-34
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106991-9

© Осеева В. А., 2018
© ФТМ, 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Книга первая	6
Глава 1. Новогодний праздник	7
Глава 2. Огоньки в окнах	11
Глава 3. Семья Трубочёва	14
Глава 4. Товарищи	16
Глава 5. Иван Васильевич Грозный	19
Глава 6. На пруду	22
Глава 7. Новости	24
Глава 8. Мазин и Русаков	27
Глава 9. Тётя Дуня	31
Глава 10. Новый учитель	35
Глава 11. В классе	41
Глава 12. «Тише... тише...»	45
Глава 13. Расписание	47
Глава 14. Урок географии	49
Глава 15. Стенгазета	51
Обида	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Валентина Осеева
Васёк Трубачёв и его товарищи все повести

© Осеева В. А., насл., 2018

© Власова А. Ю., ил., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Книга первая

Глава 1. Новогодний праздник

В школе шли последние приготовления к празднику. В пионерской комнате, разложив на полу лист бумаги, мальчик в синей куртке с белым воротником, лёжа на животе, выводил красной тушью громадные цифры: «1941 год».

В большой зал дверь была закрыта. У двери толпились школьники и школьницы, пытаясь заглянуть в щёлку или незаметно прошмыгнуть в зал. На страже, прислонившись спиной к двери, стоял белобрысый мальчуган. Он молча и решительно отталкивал любопытных, показывая всем своим видом, что скорее умрёт, чем пропустит кого-нибудь без разрешения вожатого.

В зале вожатый отряда, ученик девятого класса Митя Бурцев, вместе с ребятами натягивал провода с разноцветными лампочками. Складная лестница шаталась под его ногами.

– Ребята, не зевайте там! Держите лестницу! Так можно лампочки побить.

Поднявшись ещё выше, Митя укрепил провода и весело крикнул:

– Включай!

Цветные огоньки вспыхнули, теряясь в густых ветвях новогодней ёлки.

Ёлку украшали девочки с учительницей второго класса.

Учительница стояла на табурете, а девочки подавали ей шары и бусы, осторожно выбирая их из картонок.

– Ой, Марья Николаевна! Этот шар как фонарик!

– А вот с серебром! Девочки, с серебром!

– Давайте, давайте скорее! – торопила их Марья Николаевна, поглядывая на часы. – Гости ждут.

– А выставка ещё не готова!

В глубине зала ребята заканчивали выставку. Полочки и лесенки с широкими ступеньками были задрапированы тёмной материей. Небрежно раскинутые коврики и вышитые платочки ярко выделялись на тёмном фоне. Внизу стояли модели самолётов, моторных лодок. Ледокол, выкрашенный в голубую краску, разрезая острым носом волны, искусно сделанные из материи, как бы плыл навстречу школьникам.

У каждого класса здесь было отдельное место, и к каждой вещи была приколота бумажка с фамилией того, кто её сделал.

Несколько ребят из четвёртого класса «Б» озабоченно советовались между собой.

Саша Булгаков, староста класса, в сотый раз переставлял на полках вещи и, одёргивая свою сатиновую рубашку, с досадой говорил:

– Мало, эх, мало!

– Малютин уже пошёл. Картину принесёт, – успокаивал Сашу Коля Одинцов, вытирая тряпкой запачканные тушью пальцы.

– Эх, а табличку-то не прибили! – Лёня Белкин сбросил ботинки и проворно вскарабкался на лесенку, держа над головой молоток. Между вещами замелькали его синие носки.

– Тише ты! Наступишь на что-нибудь!

К выставке подбежала девочка. Короткие тугие косички прыгали по её плечам. Она кого-то искала.

– Зорина, ты чего?

– Как – чего? – Лида Зорина посмотрела на ребят быстрыми чёрными глазами. – Вы тут стоите, а внизу уже гости собрались. Где Трубочёв? – Она поднялась на цыпочки. – Васёк! Трубочёв!

От группы ребят из другого конца зала отделился мальчик и подошёл к товарищам. Его мигом окружили:

– Ну как, Трубочёв?

– У них тоже здорово! Я всё посмотрел!

– Лучше, чем у нас?

Трубачёв тряхнул золотистым чубом. Синие глаза его лукаво блеснули.

– Нет, не лучше, – сказал он, широко улыбаясь. – Честное слово, ребята, не лучше! Да ещё если Севка Малютин картину принесёт, да Мазин и Русаков – какие-то штучки – тогда и вовсе живём! – Трубачёв притопнул каблуками, шлёпнул по спине Белкина. – Живём!

Девочки запрыгали:

– У нас лучше! У нас лучше!

– Мазин и Русаков идут! – запыхавшись, сообщил Медведев. – Я их на лестнице видел.

Впереди, крепко ступая, шагал плотный, коренастый Мазин. Рядом, стараясь попасть с ним в ногу, торопился маленький, подвижной Петя Русаков.

– Вот они – закадычные друзья! – объявил Белкин.

– Мало вещей? – коротко спросил Мазин, засунул руку за пазуху и вытащил гладкий чёрный пугач. Он был начищен до блеска, на рукоятке стояли буквы: «Р. М. З. С.».

Мазин снова засунул руку за пазуху. Ребята глядели на него выжидающе. Он вытащил складной лук. Петя Русаков расстегнул куртку и снял с пояса пучок стрел с блестящими наколочниками.

– Ух ты! Здорово! Вот здорово! – одобрительно зашумели вокруг.

Трубачёв, забыв про выставку, разглядывал пугач.

– Р. М. З. С.! – громко прочитал он. – Мазин, что за буквы?

– Трубачёв, покажи! Дай поддержать, Трубачёв! – кричали ребята.

– Подождите!

Трубачёв нетерпеливо дёргал Мазина за рукав:

– Р. М. З. С. – что это?

Русаков лукаво усмехнулся:

– Это буквы!

– Это фабрика! – догадался кто-то.

– Какая фабрика! Это они сами делали!.. Мазин, говори! Ну чего ты ломаешься!

Мазин взял из рук Трубачёва пугач, повертел его, надул толстые щёки и равнодушно сказал:

– Много будете знать – скоро состаритесь.

– Ого! Тайна! – фыркнул Лёня Белкин, поднимая белёдые брови и поглаживая свой колючий затылок. – Ребята, тайна!

Лида Зорина и несколько девочек бросились к Мазину:

– Мазин, скажи, скажи!

Мазин отстранил их рукой и сгрёб в кучу все вещи.

– Берёте или не берёте на выставку?

– Степанова, – крикнул Трубачёв, – возьми вещи!

Валя Степанова собрала все вещи в передник, потом взяла в руки пугач, близко поднесла его к близоруким глазам, внимательно рассмотрела буквы, погладила полированную рукоятку. Так же, не спеша, разглядела лук и стрелы и тихонько сказала:

– Сейчас развешу.

В зал поспешно вошёл мальчик. Он держал в руках кусок фанеры, закрытый материей. Глаза его сияли, на бледном лице выступили капельки пота.

– Вот, принёс! – задыхаясь, сказал он, снял материю и поставил картину к стене.

Ребята присели на корточки.

На картине Севы Малютина высились горы, густо покрытые белым снегом. У подножия гор поднимались прямые коричневые сосны. Под соснами стояла группа бойцов. Молодой

командир поднимал вверх красное знамя. На виске у него было пятно крови, кровь стекала по щеке. Из глубокой воронки разлетались во все стороны грязно-серые брызги.

На картине стояла надпись, сделанная рукой художника: «Разрыв гранаты».

– Война! – шёпотом сказал Саша.

Кто-то нашёл сходство командира с Трубачёвым.

– Ты настоящий художник, Сева! – растроганно сказал Трубачёв.

Мазин с видом знатока прищурил один глаз и ткнул пальцем в картину:

– Пририсуй танки!

Все засмеялись.

В зале вспыхнул свет.

Тёмно-зелёная ёлка засверкала бусами. Все заторопились, заспешили.

Мальчик в коротких штанишках пробежал через весь зал, забрался в уголок дивана и, потирая пухлую коленку, стал разучивать по бумажке приветствие гостям:

– «Дорогие наши гости! Мы, самые младшие ученики этой школы, вместе с нашими учителями и старшими товарищами приветствуем вас от лица всей школы... от лица всей школы...»

Песни, смех и беготня отвлекали внимание мальчика, он то и дело путал слова, громко повторяя:

– «Дорогие наши гости! Вы, самые младшие ученики этой школы, вместе с нашими школьными учениками...»

Учительница, пробегая мимо с красками в руках, прислушалась, подседа к малышу и взяла у него из рук бумажку:

– Давай вместе!

– Трубачёв! Булгаков! У вас всё готово? – крикнул издали Митя.

– Всё готово! – ответил Трубачёв, устанавливая картину.

– Ну, так расходитесь. Сейчас начинать будем. Тащите стулья!

Ребята бросились расставлять стулья. Через минуту двери широко раскрылись. Шумной, нарядной толпой вошли родители. Их сопровождал сам директор Леонид Тимофеевич. На лице его была особая, праздничная улыбка, стёкла очков блестели, отражая сразу и разноцветные огоньки ёлки и весёлые лица родителей.

– Милости просим! Милости просим! – говорил он, широко разводя руками и кланяясь.

Васёк увидел в толпе своего отца. Павел Васильевич принарядился: голубая сатиновая рубашка его была тщательно разглажена, и только галстук, по своему обыкновению, чуть-чуть съехал в сторону. Голубые глаза и рыжеватые усы придавали его лицу весёлое, озорное выражение. Увидев сына, он обрадовался и ни с того ни с сего удивился:

– Ба! Рыжик! Ну, давай, давай, хлопочи, усаживай!

– Сюда, сюда, папа!

Васёк потащил отца ближе к маленькой сцене, на заранее приготовленное местечко. По пути отец попробовал пригладить на лбу сына золотисто-рыжий завиток, но он, как вопросительный знак, торчал вверх.

Павел Васильевич махнул рукой, вынул из кармана сложенный вчетверо носовой платок и сунул его мальчику:

– На, запасной.

Васёк громко на всякий случай высморкался и быстро сказал:

– Героев видал, пап? Это ученики нашей школы. Сейчас!.. Вот идут! Смотри, смотри!

Он сорвался с места и исчез в толпе.

В проходе между стульями пробирались трое военных. Их встречали радостными криками. Они смущённо улыбались, с трудом продвигаясь к сцене. Там недавних участников боёв с белофиннами приветствовали учителя и директор.

Старенькая учительница торопливо протирает платком очки.

– Алёша... Бориска... Толя... – припоминала она своих бывших воспитанников.

– Переросли! На целую голову переросли своего директора! – шумно радовался Леонид Тимофеевич.

К сцене подошёл старик – школьный сторож. Чёрные с проседью волосы его были расчёсаны на прямой пробор. Он опирался на суковатую палку.

– Иван Васильевич! Грозный!

Три пары рук подхватили старика и поставили на сцену.

– Есть Грозный! Есть! Никуда не делся! – Старик вытер усы. – Ну-ну, выросли... вылетели птенцы... орлами воротились, – бормотал он, присаживаясь к столу.

В зале снова зашумели, захлопали в ладоши. Наконец всё стихло.

Мальчик в коротких штанишках, путаясь, сказал приветствие и, закончив его торопливой скороговоркой, спрятался за спину своей учительницы.

Потом долго и прочувствованно говорил директор.

Перед глазами у всех вставал суровый северный край. Высокие сосны, скованные морозом озёра... Вот мчатся лыжники... наши лыжники... Тишина... Слышно только, как скрипит снег. И вдруг слева, с опушки леса, ударил пулемёт.

Пули вспарывают лёгкое снежное покрывало. Огонь косит наших бойцов, прижимает их к земле. По снегу, глубоко зарываясь в сугробы, ползёт снайпер. Всё его внимание сосредоточено на опушке леса, где засел противник.

Меткий выстрел... другой... И, внезапно захлебнувшись, смолкает вражеский пулемёт... Лыжники летят дальше.

– Этот снайпер... – Директор поворачивает голову.

– Который? Который? – налегая друг на друга и вытягивая шеи, ребята смотрят на сцену.

Краска заливаёт обветренные щёки снайпера – он низко склоняется над столом и взволнованно чертит что-то на бумажке.

Директор называет его фамилию.

Потом следует другая фамилия и третья...

Второй, обмороженный, полз к лагерю, вынося с поля боя раненого командира. Третий взорвал дзот – это едва не стоило ему жизни. И вот все они, эти герои, здесь, в своей большой школьной семье, воспитавшей и вырастившей их.

Сева Малютин стоит около своей матери. Он крепко сжимает её руку.

Васёк и Саша с горящими щеками жмутся к рампе.

А за их спиной ученик старшего класса возбуждённо рассказывает товарищу:

– Они здесь, во дворе, всегда в футбол играли. И один раз окно в классе разбили... И Грозный кричал на них, как на нас. Я помню. – Он радостно смеётся. – Я помню их... в десятом классе.

Глава 2. Огоньки в окнах

На железной дороге сонно покрикивала электричка.

В маленьком городке уже все спали. Только в некоторых окнах за матовыми, морозными стёклами светились огоньки. Забравшись на широкую отцовскую постель и уткнувшись подбородком в плечо отца, Васёк, взволнованный событиями вечера, не мог уснуть.

– Пап! Вот этот снайпер Алёша просто богатырь. Да, папа? А другой, что командира спасал, маленький, худенький совсем, как это он, а?

– Дело, сынок, не в том, кто какой. Тут физическая сила – одно, а сила воли – другое... Силу тут мерить нечего. Это не зависит, сынок... – Павел Васильевич не мастак объяснять, но Васёк понимает его.

– Ясно, – говорит он, – главное – спасти, хоть через силу... Сколько километров он его пронёс, пап? Под огнём, а?

– Сколько потребовалось, столько и пронёс, – строго сказал Павел Васильевич. – У нас так... вообще... русский человек после боя раны считает...

Васёк молчал. Ему вдруг захотелось внезапно вырасти и вместе со своими товарищами свершать какие-то большие, героические дела.

Он потянулся и глубоко вздохнул:

– А нам ещё расти да расти!

* * *

И в другом окне горел огонёк.

Бабушка, подперев рукой морщинистую щёку, слушала внука. Коля Одинцов рассказывал о выставке, о героях, о ёлке.

– Раздевайся, раздевайся, Коленька, – торопила старушка.

– Сейчас, бабушка!.. А Малютин Сева какую картину нарисовал! Про войну! Командир там раненый, со знаменем! У него кровь на щеке и вот тут кровь...

– Что ты, что ты! Сохрани бог, Коленька, что это он какие картины рисует! – испугалась старушка. – Можно ли эдакое воображение ребёнку иметь! Срисовал бы курочек, а то бабочек каких-нибудь – и всё. Самое подходящее дело для ребят.

– Ну, бабочек! – усмехнулся Коля. – Что мы, дошкольники, что ли? Посмотрела бы, какие серьёзные вещи у нас на выставке были, разные виды оружия были – Р. М. З. С.! – Коля поднял указательный палец. – Понимаешь?

– Да понимаю я, понимаю! – рассердилась старушка. – Только не детское это дело – такие страсти изображать.

– А у нас зато больше всех вещей было... Все нас хвалили...

– «Хвалили, хвалили»!.. Вот от наших полярников поздравление тебе, – неожиданно сказала бабушка, присаживаясь на кровать внука и разворачивая пакетик из папиросной бумаги.

– Дай, дай, я сам!

Коля осторожно вынул фотографическую карточку. На него смотрели улыбающиеся лица его родителей. На обороте карточки было написано:

«С Новым годом, дорогой сынок! Работа наша идёт к концу. 1942 год мы встретим уже вместе!»

Коля счастливо улыбнулся.

– Я тогда уже пятиклассником буду, – сказал он, завёртываясь в тёплое, пушистое одеяло.

* * *

И ещё в одном доме горел огонёк в этот поздний праздничный вечер. Саша Булгаков, осторожно пробираясь между кроватками сестёр и братьев, спросил:

– Нюта с Вовкой давно пришли?

– Давно, – шёпотом ответила мать.

– А мал мала спят? – тихо спросил Саша.

У Саши было шестеро братьев и сестёр. Все они были младше его, и всех, кроме восьмилетней Нютки, он называл одним общим именем: мал мала.

– Спят давно. Набегались, наплясались сегодня...

– А я вот гостинцев им принёс, – сказал Саша и полез в карман. – Измялись чего-то, – огорчился он, вытаскивая сбитый в комок цветной пакетик. – Это, верно, когда мы в снегу фигуры делали с ребятами.

– То-то, я смотрю, у тебя пальто всё снегом извожено, – спокойно сказала мать.

– Я сейчас почищу.

– Я уже почистила... Садись вот.

Мать поставила на стол компот и холодную телятину.

– Отец выпил нынче, – шёпотом сказала она, – тихий пришёл... Всё сидел, объяснял мне: я, говорит, токарь... потомственный и почётный... никогда своему делу не изменял, а жена у меня – женщина уважаемая, и детей семеро, как птенцов в гнезде... Смех с ним! – Она покачала головой и засмеялась.

– Он уж всегда так, когда выпьет, – снисходительно сказал Саша, выцарапывая из кружки варёную грушу.

– А вот, Сашенька, помощь от государства мы получили! – торжественно сказала мать, вынимая из-под подушки пачку денег. – Как ты ушёл, так и принесли мне.

– Ого! Сколько денег нам дали! – радостно сказал Саша. – Теперь всего накупим.

– На всех, на всех хватит, – сказала мать и, отобрав несколько бумажек, протянула Саше: – Вот и тебе подарок от государства – купи себе лыжи, сынок!

– Что ты, что ты! – отмахнулся Саша. – Мне не надо. Я и в школе возьму лыжи, когда захочу.

– Бери, бери! Мне в радость это, – мягко сказала мать, протягивая ему три бумажки. – Ты у меня большак...

Саша поглядел на её круглое, доброе лицо с глубокими, запавшими глазами. Ему показалось, что около знакомых ему с детства ямочек на её щеках протянулись, как ниточки, новые морщинки.

– Нет, не возьму! – решительно сказал он, засовывая в карманы руки. – Лыжи – это баловство. Захочу – и так достану. – Он встал из-за стола и погладил мать по плечу: – Ложись спать, мама!

* * *

Но дольше всего горел огонёк над широким крыльцом школы. Ребята давно разошлись по домам, а за освещёнными окнами второго этажа, уютно сдвинув кресла, тихо, по-семейному, беседовали учителя со своими бывшими питомцами.

– Воображаю, как вы там мёрзли! – с тревогой говорила старая учительница, которой всё ещё помнились эти мальчики такими, какими они пришли к ней в первый класс, держась за руки своих матерей.

– Да там не до мороза. Разотрёшь снегом уши, и опять ничего, – застенчиво поглядывая друг на друга, рассказывали молодые бойцы.

В одном из классов за партиой сидел Алёша-снайпер. Его ноги не помещались под скамейкой, длинная фигура возвышалась над полированной крышкой.

Он любовно и тщательно оглядывал парту и с сожалением говорил:

– Тут у меня и буквы были вырезаны: А. М. Эх, другая парта, верно! Или краской затёрли...

Перед Алёшей стоял вожатый Митя.

– А ты, кажется, здесь вожатый теперь? – спросил Алёша. – Я ведь помню тебя. Когда мы уходили на фронт, ты был в седьмом, кажется?

– В седьмом, а теперь в девятом. Учусь! С ребятами воюю! – засмеялся Митя, присаживаясь на край Алёшиной парты.

– А что, трудный состав? – деловито осведомился тот. И, не дожидаясь ответа, серьёзно сказал: – Главное – дисциплина. Ты их, знаешь, сразу приучай. Дисциплина, брат, великое дело!

Он вскочил, прошёлся по классу и, остановившись перед Митей, щёлкнул пальцами:

– Сразу приучай! А то потом ох и трудно будет! Вот где я это понял – на фронте! Там, знаешь, с нами нянчиться некому.

Алёша присел рядом с Митей, указал глазами на дверь и понизил голос:

– Это здесь ведь учителя уговаривают, объясняют, прощают... а там фронт... война... приказ... Дисциплина – это всё!

– Точно! – решительно подтвердил Митя. – Ребят распускать никак нельзя!

Алёша посмотрел на него и вдруг расхохотался.

– По себе знаем, верно? Мы один раз тут такую штуку устроили!.. – с увлечением сказал он.

Перебивая друг друга, они стали вспоминать первые годы учёбы, свои проделки и шалости, учителей и строгого директора.

– Ух ты! Я его и сейчас побаиваюсь. А ведь чего, кажется, – добрейший человек!

– Алёша! Митя! – донеслось из коридора.

Глава 3. Семья Трубачёва

Отец Васька, Павел Васильевич, работал мастером в паровозном депо. Павел Васильевич любил своё дело. К паровозу у него было особое отношение. Большое ворчливое чудовище, выдувающее пар из своих ноздрей, казалось ему живым. В разговорах с Васьком он любил употреблять выражения: «здоровый паровоз», «больной паровоз».

Васёк запомнил рассказы отца:

«Стоит пыхтит, хрипит, тяжело ворочается. Ну, думаю, захворал дружище. Надеваю свой докторский халат, беру инструмент и давай его выстукивать со всех сторон...»

Васёк слушал, и в нём росло дружелюбное отношение к этой железной голове поезда.

Павел Васильевич мечтал, что из Васька выйдет инженер-строитель или архитектор. Он будет строить лёгкие и прочные железнодорожные мосты или дома с особыми, тщательно обдуманными удобствами для людей.

Сам Павел Васильевич – выдумщик и мастер на все руки.

Квартира Трубачёвых была обставлена красивой и замысловатой мебелью его работы. Круглый шкафчик вертелся вокруг своей оси. Посреди комнаты стоял обеденный стол с откидными стульями.

«Всякое дело любит, чтобы человек в него душу вкладывал», – говорил Павел Васильевич.

Жена его была женщина слабая, болезненная, но о болезнях своих говорить не любила. Она сама справлялась со своим маленьким хозяйством и все-гда знала, что кому нужно. Отец и сын обожали мать; тихая просьба её была законом и исполнялась обоими беспрекословно.

Павел Васильевич сам занимался с сыном. Васёк учился на «отлично». Всякая другая отметка была неприятной новостью.

В таких случаях Павел Васильевич, собрав на своём лбу целую лесенку морщин, останавливался перед сыном и спрашивал:

«Как же это ты? Язык заплелся или голова не варила? Ведь ты же этот предмет как свои пять пальцев знаешь!»

В прошлом году мать Васька слегла и больше уже не вставала.

У Павла Васильевича стало много домашних забот, но к занятиям сына он по-прежнему относился внимательно.

Каждый вечер оба подсаживались к кровати матери, и она, опираясь локтем на подушку, слушала, как Васёк отвечает отцу заданный урок.

Смерть жены была тяжёлым ударом для Павла Васильевича.

Он не находил себе места в осиротевшем доме, растерянно бродил из комнаты в кухню и молча сидел за столом, опустив на ладонь свою большую рыжеватую голову. И только при виде сына вскакивал, суетился, перекидывал что-то с места на место, приговаривая:

– Сейчас, сейчас! Умойся, сынок! Или, может, покушаешь сначала, а? И потом погулять пойдём, а?

Васёк молча смотрел на него, потом утыкался лицом в подушку и плакал. Отец присаживался рядом, гладил его по спине и повторял:

– Что ж поделаешь, сынок... Пережить надо...

Или, крепко прижимая к себе мальчика, шептал ему, смахивая с усов слёзы:

– Папка с тобой, Рыжик. Папка от тебя никуда...

И действительно, всё своё время Павел Васильевич отдавал сыну.

Кроме Трубачёвых, в квартире жила ещё шестнадцатилетняя соседка Таня. Ещё при жизни матери Васька Таня приехала из деревни со своей бабушкой, потом бабушка умерла, и Таня привязалась к семье Трубачёвых.

Павел Васильевич устроил девушку на работу в изолятор при детском доме. Вечерами Таня училась в школе для взрослых.

Павла Васильевича она побаивалась и слушалась его, а Васька жалела и после смерти матери утешала как могла.

Васёк любил забежать в маленькую светлую комнатку Тани с широкой бабушкиной кроватью и горой подушек. Пёстро раскрашенный глиняный петух с иголками и нитками напоминал ему раннее детство, когда, бывало, услышав его капризы, бабушка Тани сердито говорила:

– Это что ещё такое? Пойду за петухом... Он у меня этого страсть не любит!

Васёк затихал, а когда вырос, часто смеялся над собой и просил:

– Расскажи, мама, как я Таниного петуха боялся... Павел Васильевич, оставшись без жены, думал про Васька:

«Я теперь ему отец и мать».

Он недосыпал ночей, стараясь поддерживать тот порядок, который был при жене, боялся в чём-нибудь отказать сыну и, когда кто-нибудь замечал ему, что он похудел и осунулся, озабоченно отвечал:

– Это пустяки. Вот с хозяйством я путаюсь – это верно... Надо бы сестру выписать, да не знаю, приедет ли.

А Васёк, не понимая трудной жизни отца, говорил:

– Не надо... Нам и вдвоём хорошо?

Глава 4. Товарищи

С вызовом сестры Павел Васильевич медлил, боясь причинить сыну неприятность появлением в доме чужой, незнакомой Ваську женщины.

Но один случай заставил его принять окончательное решение.

Павел Васильевич строго-настрого запрещал сыну приходить к нему в депо. Он сам изредка брал его с собой, показывал ему ремонтную мастерскую, с увлечением объяснял назначение всех инструментов, зорко следя за тем, чтобы сын не убежал на железнодорожный путь.

Когда мать была жива, Васёк после школы торопился домой. Теперь опустевший дом пугал мальчика. Часто до возвращения отца с работы он бесцельно бродил по городу один или предлагал своим друзьям Коле Одинцову и Саше Булгакову:

– Пойдёмте, ребята, куда-нибудь, пошатаемся...

Однажды, чтобы увлечь товарищей на прогулку, Васёк, несмотря на запрещение отца, пообещал им показать ремонтную мастерскую.

Выйдя из школы, мальчики прошли тихими улицами и выбрались на окраину. Стоял сентябрь. Осеннее солнце и ветер высушили на деревьях листья и окрасили их в жёлтые и коричневые цвета. В палисадниках, на клумбах, чахли жёлтые кустики осенних цветов.

– Вон, вон депо виднеется! Каменное, серое, – указывал товарищам Васёк. – Там сейчас папка работает. И знакомых там много... Ещё увидит кто-нибудь. Нам напрямик нельзя. Надо через пути перебежать, с той стороны в окно посмотрим. Айда, ребята!

Скрываясь за дощатым забором, мальчики прошмыгнули в калитку и, пригнувшись к земле, побежали через рельсы. На путях стояли длинные составы товарных вагонов, гудели паровозы. По земле стелился белый пар.

– Ребята, вот стрелка... Осторожно, а то как зажмёт ногу... – шёпотом предупреждал Васёк.

Между вагонами в закопчённых, промасленных передниках, с молотками и другими инструментами сновали рабочие; слышался лязг железа, стук сцепляемых вагонов.

– Чу-чу-чу! – подражая паровозу, пыхтел Васёк, прижав к бокам локти.

– Тра-та-та! Тра-та-та! – вторили ему Одинцов и Саша. Обдирая на коленках чулки, они пролезали под вагонами и прятались за колёсами, чтобы не попасться на глаза рабочим.

– Скажут папе – тогда несдобровать нам, – шептал Васёк.

Пробраться незамеченными к мастерским было трудно.

– Подождём, пока рабочие на ужин пойдут, – предложил Трубочёв. – Посидим в товарном вагоне.

Мальчики залезли в первый попавшийся вагон. Там валялась свежая солома, в открытую дверь широкой струёй вливалось солнце.

Одинцов схватил Ваську за рыжий чуб:

– Горишь, горишь!.. Саша, туши его, туши!

Мальчики с двух сторон напали на Ваську. Бросали ему на голову свои куртки, барахтались в соломе и хохотали.

Снаружи слышались громкие голоса, заскрипели под ногами мелкие камешки. Кто-то стукнул по стенке вагона молотком. Мальчики забились в угол и притихли.

Кто-то просунул в вагон голову и громко сказал:

– Десятый!

Потом тяжёлая, обитая железом дверь с грохотом задвинулась, голоса замолкли.

– Вагоны считают, – неуверенно пояснил Васёк, на ощупь пробираясь к двери.

Вагон вдруг с силой дёрнулся, затих. Потом стронулся с места и медленно пошёл. Колёса заскрипели...

– Поехали! Трубачёв, поехали!

Ребята бросились к двери.

– Открывай, открывай! – налегая худеньким плечом на щеколду, кричал Одинцов.

Саша и Васёк, пытаясь, помогли ему. Дверь подалась. Васёк выглянул:

– Стой! Ложись! Мимо депо едем! Отец увидит... Это ничего – это на другой путь вагон перегоняют. От вокзала никуда не уйдёт! – успокаивал он товарищей.

– Вот здорово!

– Покатаемся бесплатно!

Но вагон, покачиваясь, ускорял ход. В дверь было видно, как скрылось серое здание депо, остались позади железнодорожные строения.

– Ничего, сейчас назад повернём! – храбрился Васёк.

– А вдруг не повернём? – поблёскивая круглыми чёрными глазами, тревожился Саша.

– Трубачёв, будку проехали! Тут уж поле, один путь. Разве задний ход дадут, а?

– Не-ет...

Ребята испуганно посмотрели друг на друга.

– Вот так номер! Поехали!

– Открывай дверь шире! Прыгать будем! – скомандовал Васёк.

– Прыгать?!

Вагон шёл над песчаным откосом.

Мальчики, прижавшись друг к другу, смотрели вниз.

– Тут башку сломаешь... – махнул рукой Са-ша.

– Ничего, песок – мягко! – соображал вслух Одинцов.

Трубачёв, высунув голову, смотрел вперёд. Ветер трепал его рыжий чуб.

– Сейчас поле будет. Я первый прыгну, а вы за мной. Вперёд прыгайте. И, главное, от вагона подальше... – Он с беспокойством оглядел товарищей. – Сашка, слышишь? Из всей силы прыгай, понятно?.. И ты из всей силы... Держите книжки... Не бойтесь... Я сколько раз прыгал, – соврал Васёк, чтобы подбодрить товарищей.

Поезд шёл всё быстрее. Показались скошенные луга. На них, как покинутые дома, стояли стога сена. За ними пряталось заходящее солнце. Около железнодорожного полотна торчали редкие кусты с облетевшими листьями. За лугами синел лес. Земля убежала,плыли стога, лес приближался.

Васёк ещё раз оглянулся на товарищей. Сердце у него замерло.

– Три, четыре! – чуть слышно скомандовал он себе и, отступив, прыгнул.

Саша и Одинцов увидели, как он упал, потом вскочил, споткнулся и, прихрамывая, бежал догонять поезд.

– Прыгай! Прыгай! – кричал он. – Бросай книги!

«Книги!» – долетело до мальчиков. Одинцов догадался, схватил свои и Сашины книги и бросил их.

Саша неловко затоптался на месте, держа за руку товарища.

– Давай вместе!

– Нельзя, хуже! – крикнул ему в ухо Одинцов.

Задыхаясь от бега, Васёк размахивал руками и что-то кричал, но голоса его не было слышно.

Одинцов отодвинулся от Саши и прыгнул. Он упал неловко и долго не поднимался. Саша побелел и закрыл глаза:

– Убился...

Когда он снова выглянул из вагона, он увидел, как оба товарища, спотыкаясь, бежали по тропинке за поездом.

Саша зажмурился и прыгнул.

Оглушённый падением, он сидел на траве и потирал ушибленный локоть.
Подбежавший Васёк обнял его за плечи:

– Ты что?

– Сижу! – радостно ответил Саша.

Через минуту три товарища шли вдоль железнодорожного полотна. Глядя на Колю и Сашу тёмными от волнения глазами, Васёк повторял:

– Обошлось, обошлось, ребята!

Книги нашли в кустах целыми и невредимыми.

– Они тоже прыгали! – сострил Одинцов, похлопав по своей сумке.

Вечернее небо быстро темнело. Где-то далеко слышались гудки паровозов. Свежий ветер трепал курточки мальчиков.

– Если пустить паровоз на полную мощность... – говорил Саша.

– Подожди... смотря какой паровоз!

Васёк поднял голову и прислушался:

– Самолёт! Ребята! Самолёт!

Из-за леса, почти касаясь верхушек деревьев, вылетел самолёт.

– Ура, лётчик! Ура!

Ребята прыгали, подбрасывали вверх книги и толкали друг дружку.

– Лётчик! Возьмите раненого! – кричал Одинцов. – Сашку Булгакова!

– Нет, Одинцова, Одинцова! У него нос разбился!

– Трубочёва возьмите! Дядя лётчик! Вот он! Вот! Хромает!

Самолёт скрылся в облаках.

Скоро совсем стемнело. Стал накрапывать дождик. Серое здание депо всё ещё не показывалось.

– Эх, не туда заехали! – с досадой сказал Васёк. – Завезли нас к чёрту на кулички!

– А ты куда билет брал? – натягивая на голову куртку, осведомился Одинцов.

– Он думал – его прямо с доставкой на дом! – рассмеялся Саша.

Наконец показались первые строения.

Прощаясь на Вокзальной улице, мальчики советовались.

– Может, нам к твоему отцу всем вместе идти? – спрашивали Васёк товарищи.

– Нет, чего там! Влетит, так за дело.

Павел Васильевич уже давно был дома. Выслушав рассказ сына, он молча вынул из портфеля конверт и сел писать письмо сестре.

Глава 5. Иван Васильевич Грозный

Иван Васильевич прихлебнул с блюдечка чай и выглянул в окно.

– Так и есть, – сказал он, нахлобучивая на голову меховую шапку и снимая с гвоздя ключ. – Хоть бы одни каникулы отдохнуть дали! И всё этот Митя всех мутит! – ворчал он, открывая тяжёлую школьную дверь.

У крыльца действительно стоял Митя в синем лыжном костюме, за ним – Саша Булгаков и Коля Одинцов. Все трое тащили на плечах лыжи.

– Опять ноги разрабатывать! Вчера на коньках, сегодня на лыжах, – пропуская их, ворчал сторож.

– У нас в плане лыжная экскурсия сегодня, – стряхивая с шапки снег, сказал Митя. – Не все, понимаете, освоили это дело. За каникулы надо подтянуться, – объяснил он, подбирая парные лыжи. – Да вы идите отдыхайте, Иван Васильевич. Мы только соберёмся – и айда!

– «Отдыхайте»! – усмехнулся Иван Васильевич. – С вами отдохнёшь, пожалуй...

На крыльце затопали, и в дверь вбежали школьники.

– Здравствуйте, Иван Васильевич! – с опаской поглядывая на сторожа, здоровались они. Иван Васильевич недаром получил от ребят прозвище «Грозный».

Опираясь на толстую, суковатую палку, во всякую погоду стоял он на крыльце, встречая и провожая школьников. На прозвище «Грозный» старик нисколько не обижался.

– Я для вашего брата и есть грозный, потому что безобразия в школе допускать не могу, – сурово говорил он.

Увидев перелезавшего через забор школьника, старик звонко стучал об асфальт палкой:

– Куда лезешь? Где тебе ходить приказано?

– Дорогу потерял! – кричал озорник.

– У меня живо найдёшь! Носом калитку откроешь!

Школьник с хохотом скатывался с забора и осторожно проходил мимо сторожа:

– Здравствуйте, Иван Васильевич!

– То-то «здравствуйте»! Дурная твоя голова вихрастая! На плечах ходуном ходит, всякое соображение растеряла! – ворчал Грозный, закрывая за мальчиком дверь.

И вдруг лицо его расплывалось в улыбке, около губ собирались добрые морщинки, и он, похлопывая по плечу какого-нибудь отличника, говорил:

– Инженер! Одно удовольствие от твоего житья-бытья получается. Матери поклон от Ивана Васильевича передай!

Или, грозно сдвинув брови и выпятив грудь, приглашал группу школьников:

– Проходите! Проходите!

Школьники замедляли шаг.

– Артисты! Одно слово – артисты! На собраниях про вас высказываются. Вам в школу, как в театр, на своей машине выезжать надо, а вы пешочком, а?

– Да ладно... уже ругали нас, – подходя ближе, нерешительно мямлил кто-нибудь из ребят.

– Сам! Самолично присутствовал! – ударяя себя в грудь, торжествующе говорил Грозный. – Всё собрание тебя обсуждало. А кто ты есть, ежели на тебя посмотреть? – Грозный прищуривался и, оглядев с ног до головы ученика, презрительно говорил: – Сучок! Голый сучок, ничего не значащий! А тобой люди занимаются, выдолбить человека из тебя хотят.

– Да чего вы ещё! – пробираясь к двери, бормотали оробевшие школьники. – Не будем мы больше, обещали ведь...

– И не будешь! Ни в каком разе не будешь! Мне и обещание твоих не нужно. Я сам к тебе подход подберу.

– Вот леший! И зачем только его на собрания пускают! Ведь он потом прохода не даёт, – возмущались злополучные ребята. – На всех собраниях сидит! Отвернёт ладонью ухо и слушает, – смеялись они.

Но сегодня Грозный ворчал для виду. У него было то особое, праздничное настроение, которое не хочется омрачать ни себе, ни другим. Открыв Мите пионерскую комнату, он вышел на крыльцо.

На дворе лежали горы снега. С улицы шли и бежали школьники. Лыжные костюмы ярко выделялись на белизне снега, поднятые лыжи торчали вверх, как молодые сосёнки. Грозный улыбался, ласково кивал головой, то и дело приподнимая свою мохнатую шапку.

– С праздником, Иван Васильевич!

– И вас также!

Крепкий морозец стягивал шнурочком брови, красил щёки ребят и белил ресницы.

– Стой, стой! Где же это ты мелом испачкался? И щёки клюквой вымазал, – шутил Грозный с каким-нибудь мальчуганом.

Васёк Трубочёв торопился – во дворе уже никого не было.

– Иван Васильевич, прошли наши ребята?

– Прости, прости! А ты что же эдаким мотоциклетом пролетаешь? И «здравствуйте» тебе сказать некогда. Васёк поспешно сорвал с головы вязаную шапку:

– Здравствуйте!

– Ишь ты, Мухомор! – любовно сказал сторож. Васёк был одним из его любимцев. Ещё в первом классе Грозный прозвал его Мухомором за тёмно-рыжий оттенок волос и веснушки на носу.

– Прости, прости твои товарищи!

Васёк, прыгая через три ступеньки и волоча за собой лыжи, помчался на второй этаж.

В пионерской комнате толпились ребята. Митя, поминутно откидывая со лба непослушную прядь лняных волос, оживлённо объяснял:

– Всё зависит от правильности хода...

– Трубочёв! – крикнул Саша Булгаков. – Сюда! Сейчас строиться будем. Моё звено в полном порядке.

– У меня Малютина нет, – сказал Коля Одинцов.

– А Зорина где? – спросил Васёк.

Лида Зорина, запыхавшись, вбежала в комнату. Она была в красном пушистом костюме, чёрные косички выбивались из-под шапки.

– Я здесь! Девочки все пришли!

– Звеньевая, а опаздываешь! – строго сказал Васёк.

– Я не опаздываю, я за Нюрой Синицыной заходила, – оправдывалась Лида.

Школьники выстроились в две шеренги перед крыльцом. На переключке не оказалось Севы Малютина.

– Ему нельзя, – сказал Саша, староста класса. – Он больной.

– Больной-притворной, – пошутил кто-то из ребят.

– У Малютина порок сердца, – строго сказал Митя. – Смеяться тут нечему... Ну, пошли! – крикнул он, взмахнув лыжной палкой. – За мной!

* * *

Грозный стоит на крыльце, прикрыв ладонью глаза. За воротами, на снежной улице, одна за другой исчезают синие, зелёные фигурки лыжников, красным флажком мелькает между ними Лида Зорина...

Скрип лыж, голоса и смех затихают...

– Ну вот, значит... – говорит Грозный, направляясь к своей каморке.

Но несколько пар крепких кулачков барабанят в дверь:

– Откройте! Откройте!

– А, первачки! Промёрзли?.. Ну, грейтесь, грей-тесь! – ласково говорит сторож.

Закутанные в тёплые платки, толстые и смешные, неуклюжие, как медвежата, размахивая лопатками, вваливаются первачки. За ними, смеясь, поднимается их учительница.

– Мы, Иван Васильевич, только погреться. А вы идите отдыхайте, – говорит она. – Мы во дворе будем.

Клубится снежная пыль. Красные от натуги малыши носят лопатками снег, лезут в сугробы.

Позвякивая ключами, сторож проходит в пионерскую комнату.

На стене возле праздничной стенгазеты висят плакаты и объявления.

Грозный надевает на нос очки:

– Где тут у них планы? На каникулы... Ага... Первые классы... так... Четвёртые – экскурсия... так... Шестые – кружок фото... так... Восьмые – международный доклад... так... Шахматисты... – Он машет рукой и прячет очки. – Свято место пусто не бывает.

Глава 6. На пруду

К вечеру мороз утих. Небо было чистое, с редкими звёздами. Васёк Трубачёв, Саша Булгаков и Коля Одинцов возвращались с лыжной прогулки втроём.

Они нарочно отстали от ребят, чтобы зайти на пруд.

– Пойдём? – предложил товарищам Васёк. – Не хочется домой ещё.

– Пойдём! На пруду, наверно, красиво сейчас. Я тоже не хочу домой... – согласился Одинцов. – Саша, пойдёшь?

– Куда вы – туда и я!

Мальчики прошли парк и начали спускаться к пруду. Пушистые берега с занесёнными снегом деревьями возвышались, как непроходимые горы.

Старые ели, глубоко зарывшись в сугробы, распластали на снегу свои густые, мохнатые ветви. Метель намела на пруду высокие снежные холмы. Вокруг было так тихо и пустынно, что мальчики говорили шёпотом.

– Не пройдем, пожалуй, – провалимся, – пробуя наст, сказал Саша.

– Идите по моему следу. Айда... лесенкой. – Васёк поднялся на горку и, пригнувшись, съехал вниз. Потом снял лыжи и бросил в сугроб. – Сюда! Одинцов! Саша! Мягко, как в кресле!

Мальчики уселись рядом. Все трое, запрокинув головы, смотрели в тёмное, глубокое небо.

– Смотрите, смотрите! Луна!

Из-за парка показалась огромная жёлтая луна.

– Ни на чём держится! – удивлённо сказал Саша. – Вот-вот упадёт.

– Вот если б упала!

– Хорошо бы! Мы бы её сейчас в школу притащили, прямо в пионерскую комнату.

Саша обвёл глазами белые застывшие холмы.

– А что, ребята, тут, наверно, зимой ни одна человеческая нога не ступала? – таинственным шёпотом сказал он. Васёк посмотрел на чистый, ровный снег:

– Следов нет.

– Тут один Дед Мороз живёт... – пошутил Одинцов и осёкся.

В лесу раздался треск сучьев. Тихий шум, похожий на завывание ветра, пронёсся по берегам. И в тот же миг неподалёку от мальчиков что-то белое вдруг отделилось от сугроба и медленно съехало вниз.

– Трубачёв! – прошептал Саша.

– Видали? – испуганно спросил Одинцов.

– Это снежный обвал, – равнодушно сказал Васёк, на всякий случай подвигая к себе лыжные палки. Саша засмеялся.

– А меня мороз по коже пробрал, – откровенно сознался он.

– И меня... Идём лучше отсюда, – сказал Одинцов. – Не люблю я, когда снег... ползёт.

– Ну, бояться ещё! Мы, в случае чего, прямо голову оторвём! – Васёк лихо сдвинул на затылок шапку.

– А кому отрывать? – усмехнулся Одинцов.

– Кто нападёт! – сказал Васёк, приглядываясь к белому холмику, который как-то странно покачивался в неровном свете луны. – Да никто не нападёт. Я думаю, это показалось, – прибавил он.

Одинцов зажмурился:

– Ну да, бывает... привидится что-нибудь от снега.

– А вот на севере... – пугливо оглядываясь, добавил Саша. – Мне рассказывали...

Сзади снова раздался треск сучьев и тонкий протяжный вой. Мальчики переглянулись. Васёк молча показал на белый холмик. Медленно покачиваясь на гладкой поверхности пруда, холмик полз к берегу.

– Стойте здесь... я проверю, – вдруг решился Васёк. Саша схватил его за руку:

– Я с тобой.

– Вместе пойдём, – прошептал Одинцов.

– На лыжи! Становись! – громко скомандовал Васёк. Ребята вскочили. Тихий вой, разрастаясь в грозное рычание, пронёсся над прудом. В ответ ему из сугробов вырвались звуки, похожие не то на кошачье мяуканье, не то на собачий лай.

– Волки! – с ужасом прошептал Саша.

– Держите палки наготове, – стиснув зубы, сказал Васёк. – Мы их сейчас...

– Нет! – испуганно остановил его Одинцов. – Куда ты? Надо домой!

– Домой, домой, – заторопился Саша. – Слышишь? Вой разрастался. Теперь уже казалось, что со всех сторон подкрадываются к мальчикам какие-то непонятные и страшные звери.

– Ничего, как-нибудь дорогу пробьём! – задыхаясь от волнения, сказал Васёк. – За мной, ребята!

Зорко вглядываясь в каждый бугорок, мальчики благополучно миновали сугробы и вышли в парк.

– Стойте! – Васёк поднял руку.

На пруду снова было таинственно и тихо.

– Тьфу! Что за чертовщина такая! Ребята, сознайтесь: кто испугался?

– Я, – улыбнулся Саша, зябко поводя плечами.

– И я, – сказал Одинцов.

– Ну и я, – сознался Васёк, – потому что не волк, не человек...

– А может, просто кошки? – предположил Одинцов.

Все трое засмеялись.

А на пруду, когда затихли голоса, под ветвями ели тихо вдвинулась туго накрахмаленная морозом простыня, блеснул огонёк, освещающая глубину тёмной землянки, и высунулась голова Мазина. Белый холмик быстро-быстро пополз к старой ели.

– Ушли? – шёпотом спросил Мазин.

– Ушли, – ответил Петя Русаков, сбрасывая с себя белый халат.

Глава 7. Новости

Встряхивая золотистым чубом, Васёк, разгорячённый впечатлениями дня, рассказывал отцу:

– Мы с Митей в лес ездили, далеко-далеко... а потом ещё с ребятами на пруд ходили.

– То-то я тебя еле дождался. Хотел разыскивать.

– А на пруду, папа, такая луна, громадная, и свет от неё... Нам даже показалось, что снег движется. Да ещё как завоет кто-то, – засмеялся Васёк, – мы даже испугались немножко.

– Вот и хорошо, что испугались. Не будете лазить где не надо, – хмуро сказал отец. Он был чем-то озабочен.

– Да ты что, папа, чудной какой-то сегодня? – удивился Васёк.

– Чудной не чудной, а... – Павел Васильевич замялся, постучал пальцами по столу и строго сказал: – К нам тётя Дуня едет.

– Едет? – переспросил Васёк, не зная, радоваться ему или печалиться.

Тётю Дуню – сестру отца – он никогда не видел. Она жила под Москвой на какой-то маленькой станции.

Павел Васильевич ожидал, что сын будет протестовать против приезда тётки, и приготовился к серьёзному отпору, но Васёк только спросил:

– А весёлая она?

– Да как тебе сказать... особенного веселья я что-то у неё не замечал. Женщина старая, одинокая, хозяйка, а мы с тобой, можно сказать, холостяки. Где зашить, где пришить требуется, а то и сготовить чего.

– Каша у тебя пригорелая получается, – задумчиво сказал Васёк.

– Вот-вот, – обрадовался отец, – самое тёткино дело – кашу варить.

– Не хочу я тётки. Нам и вдвоём хорошо, – вдруг решительно заявил Васёк.

– Хорошо-то хорошо, а с хозяйством мне всё равно не сладить... Да, ещё вот какая новость у меня, сынок...

Павел Васильевич почувствовал себя совершенно несчастным: ему предстояло ещё раз огорчить Ваську.

– Я, Рыжик, недельки на три в Харьков уеду. В тамошнее депо командируют меня. – Он тяжело вздохнул. – Значит, тут без тётки никак не обойтись, сынок.

Васёк молчал. Ему было уже не до тётки.

– А когда ты уедешь? – тихо спросил он.

– Когда уеду? Ну, это ещё не так скоро. Ты об этом не думай сейчас.

Васёк тряхнул головой.

– Не скоро? Ну и ладно! А тётка пускай живёт. Мне до неё никакого дела нет, – решил он.

Утром к Ваську забежал Одинцов. Павел Васильевич ушёл на работу. Васёк завтракал, густо намазывая маслом белый хлеб.

– Новость! – закричал с порога Одинцов. – У нас новый учитель будет после каникул. Мария Михайловна совсем ушла.

Мария Михайловна, прежняя учительница, давно уже не посещала класс, и четвёртый «Б» около двух месяцев находился на попечении учителей других классов.

– Собственный учитель? – обрадовался Васёк. – А Мария Михайловна что же?

Одинцов махнул рукой:

– Да она с нами состарилась совсем... Не с нами, а вообще... Ей шестьдесят лет скоро будет, а потом, после болезни ещё...

– Жалко её, – сказал Васёк, – привыкли мы к ней.

– Жалко, конечно, – согласился Одинцов, – а всё-таки учителю я рад. Бежим к Булгакову, расскажем ему!

– Да погоди. Я ещё не позавтракал. Вот ешь лучше. – Васёк пододвинул товарищу хлеб и масло. Оба с аппетитом принялись за еду.

– Всё новости да новости, – сказал Васёк. – А откуда ты узнал про учителя?

– Мне Грозный сказал. Я у него для Саши лыжи брал. Приношу сегодня, а он говорит: «После каникул держись, брат! Отменного учителя вам директор нашёл».

– Так и сказал – отменного?

– Так и сказал. Уж он не соврёт. Говорит, будто учитель на выставке был вчера. Всё вещи смотрел. Хорошо, что Мазин свой пугач унёс!

– Унёс? – с живостью спросил Васёк и досадливо сдвинул брови. – Так и не сказал, что за буквы... Ну, пошли к Саше.

На улице былолюдно. В сквере играли дети, на скамейках отдыхали взрослые. С деревьев, покрытых белым инеем, осыпалась снежная пыль.

Саша Булгаков жил недалеко. Пройдя широкий двор, мальчики постучали в низенькую дверь первого этажа длинного серого флигеля.

Им открыла женщина с приветливым лицом:

– Сашенька, к тебе!

В светлой кухоньке было много ребят. Они, видимо, гуляли и только что пришли со двора. Саша и его сестрёнка Нюта раздевали их. Маленькая девочка в одних чулках бегала из комнаты в кухню с мокрым ботинком в руках. Толстый малыш, с такими же, как у Саши, круглыми чёрными глазами, хныкал, упираясь головой в Сашин живот, – он потерял варежку.

– Куда ты её дел? – сердился на него Саша. – Найди сейчас же!

Увидев товарищей, он кивнул им головой:

– Раздевайтесь, ребята!

Коля Одинцов пробрался к Сашиной кровати и осторожно присел на краешек, с интересом наблюдая, как Саша справляется с детворой.

– Васёк, – крикнул он, – иди сюда! Смотри, сколько детей у них. – Он притянул к себе товарища и зашептал ему в ухо: – У них чуть ли не двенадцать детей.

– Семь, – спокойно поправил его Саша, поднимаясь с колен и отряхивая пыль. – Вон седьмой. На кровати сидит.

Одинцов подпрыгнул и с испугом оглянулся: сзади него, обложенное со всех сторон подушками, копошилось маленькое существо с тремя светлыми волосками на макушке.

– Витюшка, грудной, – пояснил Саша.

– Да они, наверно, орут целый день! – засмеялся Васёк.

– Бывает... – Саша поймал за штанишки толстого черноглазого малыша и крикнул: – Нютка, пришей ему пуговицу! Мне некогда.

Он отвернул борт курточки – там торчала иголка с туго накрученной ниткой.

– Я пришью, – сказала мать. – Иди. Товарищи небось заждались тебя. С малышами никогда дела не переделаешь, – улыбнулась она.

– Ну, зашей. – Саша быстро закрутил свою нитку обратно.

– Что это ты иголку с собой носишь? – спросил Васёк.

– Ношу. Всё время пригождается, – деловито ответил Саша.

Васёк пожал плечами.

– Брось! Девчачье это дело, – презрительно сказал он. Саша не расслышал.

– Пойдём в комнату, – сказал он товарищам. В соседней комнате было тихо и просторно. Как только Саша закрыл за собой дверь, Одинцов сообщил:

– У нас новость!.. Трубачёв, расскажи.

Васёк с жаром начал рассказывать:

– После каникул у нас будет новый учитель. Отменный учитель! Сам Грозный сказал.
– Да что ты! – обрадовался Саша. – Вот хорошо! А то мы...

За дверью вдруг что-то с грохотом упало и началась невероятная возня. Саша тревожно прислушался:

– Кажется, мать ушла. – Он бросился к двери: – Я сейчас! Через секунду он вернулся.

– Ничего. Это они в колхоз играют. Перевернули стулья и везут сдавать зерно, – с улыбкой пояснил он, закрывая за собой дверь. – Ну, Трубачёв, рассказывай про учителя.

– Да ну тебя! – с досадой сказал Васёк. – Что тебе рассказывать, если ты всё время бегаешь!

– Да нет, это я так... думал – мама ушла. Ну, рассказывай, – умоляюще сказал Саша.

– Ну ладно! Так вот, этот учитель только для нашего класса, понимаешь? Это во-первых.

А во-вторых...

Саша вдруг рванулся и снова исчез за дверью. На этот раз из соседней комнаты послышался отчаянный визг и плач.

Васёк и Одинцов, толкая друг друга, выскочили вслед за Сашей. Оказалось, что толстый карапуз Валерка просунул голову между прутьями кровати и никак не мог вытащить её обратно.

– Стой! Стой! – кричал ему Саша. – Поверни голову набок...

С помощью Коли и Васька он наконец вытащил братишку. Но товарищи уже собрались уходить.

– Куда же вы? Расскажите хоть про учителя.

– В школе расскажем! – крикнул Одинцов.

Васёк только махнул рукой...

Вечером, забравшись к отцу на кровать, он с удовольствием делился с ним своей новостью:

– После каникул у нас будет новый учитель. Мария Михайловна совсем ушла. Ей восемьдесят лет уже.

– Восемьдесят лет! – удивился отец. – Ого-го! Совсем, верно, старушка с вами замучилась! Ты у меня один, и то я с тобой голову себе скрутил.

– Ну тебя! – недовольно сказал Васёк, приподнимаясь на локте и заглядывая в лицо отцу. – Я небось председатель совета отряда... а ты говоришь!

– Вот-вот, мне и нужно, чтобы мой сын первый сорт был!

– «Первый сорт»... – протянул Васёк. – Я ещё не выучился, – он наverts на палец отцовский ус, – а ты нападаешь.

– Я не нападаю, – засмеялся Павел Васильевич. – Не трожь усы, всю красоту испортишь... Да спи уже, а то завтра тебя пушками не поднимешь. – Он обхватил сына за шею. – Спи.

Васёк, лёжа с открытыми глазами, думал о Саше, об Одинцове и о Севе Малютине.

– Хорошая, папа, картина у Малютина, но сам Севка какой-то тщедушный, – с сожалением сказал он.

Отец не ответил.

– Слышишь, папа?

– Слышу.

– А что ты слышишь?

– Тще-душный, – промычал, всхрапывая, Павел Васильевич.

Глава 8. Мазин и Русаков

Мазин скучал. В землянке под старой елью было темно и тихо. У входа, завешенного белой простынёй, валялась убитая из рогатки ворона. Снаружи крупными хлопьями валил снег. Иногда, отодвинув край простыни, Мазин зорко и насторожённо оглядывал берег. Он ждал Русакова. Они не виделись с того памятного вечера, когда в их владениях побывал Трубочёв со своими товарищами.

«Отец дома. Держит Петьку при себе», – соображал Мазин. Мазин и Русаков жили на одной улице, в одном доме. Дружба их началась с первого класса и навсегда укрепилась после одного случая. А случай, который сделал их закадычными друзьями, был такой. Однажды, стреляя в цель из рогатки, Русаков разбил цветное стекло в угловой даче. Испуганный, он прибежал к Мазину.

– Пропал я, Колька! Отец узнает – за ремень схватится!

Отец Пети рано овдовел и, сдав сына на попечение соседок, с головой ушёл в работу. Весь день проводил он на обувной фабрике, где считался одним из лучших работников. Возвращаясь домой, он бегло интересовался здоровьем сына и, найдя в дневнике плохую отметку, сразу закипал гневом:

– Я с восьми лет сам на себя зарабатывал и дорогу пробивал себе тяжёлым трудом, а тебе всё даром даётся! Отец для таких, как ты, целый день работает. Да разве один я? Вся страна не покладая рук трудится, чтоб из вас люди вышли! А вы что делаете? Безобразие! Распушенность! На тебя все соседи жалуются! Вот подожди, я когда-нибудь возьму ремень да поучу тебя так, как меня в своё время учили!

Петька со страхом смотрел на отца. Этот большой, сильный человек с чёрной густой шевелюрой и сросшимися бровями, под которыми трудно было угадать цвет его глаз, был чужим и непонятным мальчику.

Иногда отец вдруг останавливался посреди комнаты и, глядя на сына усталыми, хмурыми глазами, говорил:

– Ты пойми... Человек должен понимать слова, а не палку! Что у тебя, самолюбия нет, что ли?

Петька съёживался и молчал.

Разбитое стекло в угловой даче беспокоило Петю. Он сидел у товарища, с тревогой поглядывая на дверь.

– Да, может, отец не узнает, – утешал его Мазин.

Петя безнадежно махал рукой:

– Хозяева видели, как я побежал.

Мазину было жалко товарища. Он что-то соображал про себя, пыхтел, надувая толстые щёки, и, когда Петя Русаков, просидев у него целый час, собрался уходить, сказал:

– Пойдём вместе. Я скажу на себя, а ты будто в канавке сидел.

– В какой канавке?

– Ну за домом... Кораблики пускал.

Случай этот происходил весной.

– Кораблики... – протянул Русаков. – А чего же я побежал тогда?

– Мало ли чего! Побежал, чтобы на тебя не подумали, – вот и всё. Понятно?

Русаков просветлел:

– И правда, может, обойдётся?

– Обязательно обойдётся. Верти кораблики. Сейчас намочим их во дворе – и айда к твоему отцу!

Петя сделал из газеты два кораблика, во дворе товарищи прополоскали их в грязной луже и храбро направились к дому Русакова.

– Постой, а вдруг твоя мать узнает? – тревожно спросил Петя. – И голова у неё заболит от этого. Жалко её. Он остановился.

– Не ной, – мрачно сказал Мазин. – Пойдём лучше!

Отец Русакова уже всё знал. Он встретил сына на пороге, красный от гнева.

– Опять мне на тебя люди жалуются!

– Я, пап... – дрожащим голосом начал Петя.

Мазин толстым грибом вырос перед разгневанным родителем и вытащил из кармана рогатку:

– Петя ни при чём. Он кораблики пускал.

– Я, папа, кораблики...

– Какие ещё кораблики? – загремел Русаков-отец. – Ко мне взрослые люди приходят, на моего сына жалуются!

– Это из угловой дачи к вам приходят? – осведомился Мазин. – Так я у них стекло разбил. Я нечаянно... в воробья метил, а попал в стекло. А Петя испугался и побежал. Вот они на него и сказали. Не разобрались как следует и напали... а ещё взрослые! – объяснял Коля Мазин, глядя прямо в глаза Русакову и закрывая Петю своей крепкой, приземистой фигурой.

– Не разобрались, – мямлил Петя, выглядывая из-за плеча товарища.

– «Не разобрались»! – передразнил его отец, уже смягчённый признанием Мазина. – Лазите чёрт знает где!.. А ты тоже хорош! У тебя мать труженица, больная женщина, а ты ей сюрпризы устраиваешь, – напал он на Колю.

– Я не сюрпризы, я нечаянно.

– «Нечаянно»! И Петьку моего сбиваешь на всякие дурацкие шалости... Ты где был, когда твой приятель в стекло камнем запустил? – обратился он к сыну.

– Я в канавке кораблики пускал, – шмыгнул носом Петя и вытащил из кармана размокшие бумажные кораблики.

– Чтобы я больше не видел всей этой гадости! – закричал отец. – Выбрось эту дрянь в помойное ведро сейчас же! А рогатку я сам... – Он обеими руками сдвинул рогатку. Она не поддавалась. – В печку!

– Лучше в помойную яму или в пруд. Давай, папа, мы выбросим! – с готовностью предложил свои услуги Петя.

– Молчи! И ступай сам с этими людьми объясняться. Скажи... приятеля хорошего имеешь, вот что!

Когда мальчики вышли, Мазин сказал:

– Сбегай в аптеку за порошком от мигрени, а я пойду в угловую дачу сознаваться.

Вечером Мазин ходил за своей матерью и говорил:

– Ты, мама, приляг... И не волнуйся. Ни один человек не проживёт так, чтобы стекла не разбить.

Мать Коли Мазина работала в швейной мастерской. Коля никогда не видел свою мать здоровой. Она постоянно жаловалась, что от шума швейных машинок у неё болит голова. Малейшая неприятность также вызывала у неё мигрень, и тогда она тихо стонала, уткнувшись в подушку головой, обвязанной мокрым полотенцем, а Коля готовил ей чай, размешивал ложечкой сахар и бегал по аптекам, спрашивая везде, не изобретено ли какое-нибудь новое средство от мигрени. Дома, пока мать была на работе, Коля успевал приготовить обед, наколоть дров, сбежать за хлебом. Поэтому, когда мать жаловалась соседкам: «Не знаю, хватит ли моих сил воспитать сына», – соседки украдкой переглядывались. «Хватит ли у него-то сил ухаживать за такой больной матерью?» – думали они про себя, жалея мальчика.

После случая со стеклом ребята выработали особую систему самозащиты.

Теперь, что бы ни случилось, перед отцом Русакова виновным всегда выступал Мазин, а перед матерью Мазина – Петя.

– Вы, гражданка Мазина, обратите внимание на своего сына. Он и моего вконец испортить может, – внушительно говорил Русаков-отец матери Мазина.

– Подумайте! – возмущалась та. – Да как он может мне такие вещи говорить! Ведь чего только его Петя не выделывает! Он добьётся того, что я не позволю своему сыну играть с Петей.

В конце концов родители, к большому огорчению мальчиков, категорически запретили им встречаться.

Мать Мазина пообещала Коле, что она окончательно потеряет голову, если он будет продолжать дружбу с Петей, а Русаков-отец посулил своему сыну спустить с него три шкуры, если ещё раз увидит его вместе с Мазиним.

Петя, который вечно дрожал за одну свою шкуру, не мог даже представить себе, что значит спустить три. Мазин тоже забеспокоился:

– Конечно, в школе нас никто не проверит.

– А после школы я один буду? – шмыгнул носом Петя.

– Не хнычь! – сердито сказал Мазин. – И заруби себе на носу, Петька: нет такой беды, из которой нельзя вылезти. Я это проверил.

Выход действительно нашёлся.

Через два дня после этого разговора на берегу заросшего, затянутого зелёной ряской пруда, где тучами кружились комары и мошки, а по вечерам, надуваясь, кричали лягушки, Мазин и Русаков уже рыли себе землянку под разлапистыми ветвями старой ели. Они приходили сюда поодиночке, работали изо всех сил и, уходя, оставляли друг другу короткие записки:

«Двинулся на полметра в ширину. МЗС.»

«Углубился вход. РЗС».

К началу занятий в школе землянка была готова. На пруду редко бывали люди: в густом кустарнике, заросшем крапивой, не было тропинок. Землянка, тщательно замаскированная дёрном, была почти незаметна.

Мазин и Русаков ликовали:

– Поди ищи нас теперь!

– А в случае нападения можно и отстреляться, – говорил Мазин.

Недостатка в стрелах, пугачах и рогатках не было. Мальчики усердно тренировались в стрельбе. Около землянки на дереве висели белые кружочки, пробитые стрелами.

– Петька, целясь в правый кружок, а я в левый! Следопыту надо бить без промаха! – поучал Мазин.

С наступлением осенних дождей Мазин притащил из дома клеёнку, а Русаков – дождевой плащ. В землянке и в проливной дождь было тепло и сухо.

Мазин достал где-то азбуку следопыта и требовал от Петьки, чтобы он срисовал её и выучил наизусть. Зимой товарищи ходили на лыжах в лес. Ставили силки, но зайцев в этих местах не было.

Сегодня Мазину посчастливилось – он убил ворону.

Прождав товарища до позднего вечера, Мазин взял клочок бумаги и написал: «Убил дичь. Придётся – освежуй».

На другой день товарищи встретились.

– Отец был дома, – пояснил Петя. – Он премию получил, гостей назвал. Много. И одна тётя там была. Он ей говорит: «Вот мой Пётр» – это про меня. А она ему: «Ну, какой же это Пётр – это просто Петя!»

– Ладно! – прервал его Мазин, вынимая перочинный нож и вытаскивая из угла убитую ворону. – На, свежуй дичь, а я огонь разведу.

Он поставил у входа жаровню, бросил на угли спичечные коробки и стал разжигать огонь.

Петя поднял ворону, оглядел её со всех сторон и удивлённо сказал:

– Какая же это дичь! Это обыкновенная ворона.

– Так убей утку! – огрызнулся Мазин, протирая красные от дыма глаза. – А не убьёшь утку – будешь есть ворону!

Через несколько минут из котелка уже торчал чёрный вороний клюв.

Мазин взял лопату, вышел из землянки и скоро вернулся с мороженой рыбой.

У Пети сделалось грустное лицо.

– Довольно одной вороны, Мазин, а то мы сразу все запасы съедим, – осторожно сказал он.

Мазин молча отхватил ножом кусок рыбы, нарезал её тонкими ломтиками, посолил и подвинул товарищу.

– Ешь! Ворон на нашу долю хватит, – сказал он, храбро отправляя в рот ломтик рыбы.

Петя, зажмурившись, последовал его примеру.

Оба молча жевали, украдкой наблюдая друг за другом.

– Все охотники едят мороженую рыбу, а собаки на севере преимущественно питаются этим, – со вздохом сказал Петя.

В котелке забулькала вода. Мазин вытащил ворону, потыкал её ножом и снова бросил в котёл:

– Жестковата.

Петя повеселел.

– Конечно, пусть упревает, – с живостью сказал он, похлопывая себя по животу. – И вообще я здорово сыт. Возьми мою половину, если хочешь, – добавил он, подвигая Мазину оставшийся ломтик рыбы.

Мазин сделал вид, что не слышит, сложил нарезанные куски и вышел из землянки.

Через минуту, сидя на мешке с сеном и лениво постреливая из рогаток в стенку, они вспомнили и трёх товарищей, так неожиданно появившихся на пруду.

– И чего их занесло сюда? – забеспокоился Мазин. – Ещё повадятся ходить.

– Не повадятся, – усмехнулся Русаков. – Я их здорово напугал.

– Трубачёва не запугаешь – этот к чёрту на рога ползет. Смелый парень! Вот такого бы товарища нам с тобой! – сказал Мазин.

– Да... хорошо. Только он отличник, а мы... – Петя легонько свистнул и засмеялся.

– А ты принёс учебники? – живо спросил Мазин.

– Забыл.

– Смотри, Петька, не пройдёт нам это даром.

Он опустил рогатку и задумался.

– А чего же мы плохого делаем? – искренне удивился Петя. – Мы ничего плохого не делаем.

Мазин прищурился и уничтожающе посмотрел на него.

– Если человек делает плохо и знает, что это плохо, то это ещё ничего, – медленно сказал он, – а если он делает плохо и думает, что это хорошо, то это уж дело дрянь!

– Я не думаю, – быстро сказал Петя, – насчёт учёбы и вообще...

– То-то, – сказал Мазин. – Себя обманывать нечего.

Он достал азбуку следопыта, прикрыл рукой подпись под рисунком и строго спросил:

– Чей след?

– Утки, – поспешно ответил Петя.

– Сам ты утка! – рассердился Мазин. – Кому я говорил – выучи наизусть!

Глава 9. Тётя Дуня

Васёк был дома один. Он принарядился, начистил ботинки и, не зная, что с собой делать, ходил по комнате.

Каникулы ему уже надоели. Скорей бы в школу!

«Интересно, какой-то новый учитель?» – думал он, поджидая отца.

В дверь кто-то тихонько постучал.

– Мне к Трубачёву Павлу Васильевичу, – сказала женщина, осторожно прикрывая дверь и с трудом втаскивая за собой корзинку.

– Папы нет. – Васёк внимательно разглядывал гостью.

Она была в синем пальто, туго застёгнутом на все пуговицы. Из-под чёрного полushалка глядели на Васёка рыже-голубые, чем-то знакомые глаза. Мальчика охватила тревога.

– Папы нет! – повторил он.

– Папы нет, а тётка – вот она! – вдруг сказала женщина, любезно поджимая губы. – А ты небось Васёк? Тащи-ка корзинку. Запарилась я с ней!

Она вошла в кухню, села на табурет, расстегнула пуговицы своего пальто и, обмахиваясь концами полushалка, огляделась вокруг.

– Ничего живёте. Кухня просторная. – Она заглянула в комнату. – В чистоте содержите. А это чья же дверь-то? – потрогав замок Таниной двери, спросила она.

Васёк втащил корзинку и, не зная, что отвечать, во все глаза смотрел на тётку.

«Смешная какая-то», – думал он.

А тётка между тем уже расхаживала по комнате, оглядывая обстановку. Васёк с удивлением увидел теперь, что глаза у неё точь-в-точь как у отца, с такими же короткими рыжими ресницами, что нос и всё лицо тётки тоже напоминают отца, только рот и выражение лица какое-то другое. Тётка как бы угадала его мысли.

– Ишь, – сказала она, с видимым удовольствием бросив взгляд на мальчика, – рыжий. В нашу породу пошёл!

Васёк нахмурился и отошёл к окну. «Какой я рыжий!» – думал он, приглаживая свой чуб.

Между тем тётка уже обошла все углы и орудовала в кухне.

– Ваше мыло-то? Подай полотенчико! Это что ж кастрюли-то у вас как завожены? Аль плита дымит? А соседка-то молодая или старая? Как её звать-то?

– Таня.

– Таня... – Тётка опять поджала губы и многозначительно покачала головой. – Неаккуратная девка, по всему видать.

– Да ты, тётя, ещё не видела её, а уже ругаешь, – не стерпел Васёк.

– Её не видала, а приборку её вижу: в печке зола, в углу сор. Слава богу, можно о человеке судить, – решительно отрезала тётка.

– Всё равно, она хорошая, добрая. Её все любят! – сердито сказал Васёк.

У него росло недовольство против тётки и её бесцеремонного хозяйничанья в их квартире.

К обеду пришёл отец. Васёк открыл ему дверь и тихонько шепнул:

– Тётка приехала!

– А, приехала! – обрадовался отец, отодвинул Васёка, вытер платком усы и крикнул: – Дуняша!

Тётка всплеснула руками, заторопилась:

– Паша... голубчик...

– Ну-ну... вот и свиделись... вот и свиделись! – повторял Павел Васильевич, любовно оглядывая её и прижимая к груди. – А что бы раньше приехать-то? Ведь не за горами живёшь... а, Дунюшка?

Тётка оторвала от его груди заплаканное лицо.

Васёк снова заметил сходство между ней и отцом. У обоих были растроганные, умиленные лица, радостные и чем-то смущённые.

– Постарели, постарели мы с тобой, сестрёночка, – говорил Павел Васильевич.

– Да ведь всех схоронили... Одни на свете мы с тобой, Пашенька, – вздыхала тётка.

– Как это – одни? Полон свет хороших людей... а вот сын у меня растёт, племяш твой! – весело сказал Павел Васильевич. – Вот он! Небось познакомились уже?

– Познакомились, – ласково сказала тётка.

Ваську вдруг стало жалко, что он неприветливо встретил тётку. Её встреча с отцом растрогала его. Он сбоку подошёл к обоим и с чувством сказал:

– Здравствуйте, тётя!

Тётка поцеловала его в щёку:

– Да что ж я! У меня тут для вас кой-чего...

Она внесла в комнату корзинку и стала развязывать её.

– Не хлопочи, не хлопочи... Хлопотунья! – кричал из кухни отец, разжигая примус. – У нас всё есть! Сейчас чай будем пить.

Васёк с любопытством смотрел, как тётка вынимала какие-то банки, завернутые в полотенце, положила на стол румяный пирог, охая и приговаривая:

– Ай-яй-яй! Измялось всё! Хорошо хоть варенье довезла. А уж толкали меня, тискали... Людей, людей едет – пропасть! А в Москву – ещё больше... Пашенька! – крикнула она, развёртывая склотую булавками бумагу. – Вот тебе подарочек. А это Ваську.

– Ба, ба! – удивился Павел Васильевич, разглядывая расшитый ворот рубашки. – Ну икусница! Ну, спасибо, Дуняша!

Васёк тоже с удовольствием примерял пушистые синие варежки и такие же носки.

– Как раз! Мне как раз, папа... Спасибо, тётя! – догадался он после того, как отец ещё раз обнял тётку.

– А мы-то с тобой опростоволосились! – смущённо сказал Павел Васильевич, глядя на Ваську. – Не приготовили тётке подарочка.

– Что ты, что ты, какой подарочек! Ты меня и так не обижал, Паша.

Чай пили втроем. Васёк слушал, как без конца рассказывает тётка о каких-то соседях, как переспрашивает её отец, живо интересуясь всеми новостями.

– А этого-то... как его, с которым мы на огороде-то попались? – подмигивал отец.

– А, – оживлённо подхватывала тётка, – Бирюковы, что ли? Живут, живут! Коля-то на инженера вышел, Маруся за лётчиком в Москве. А этот, конопатенький-то, на доктора учится.

– Скажи пожалуйста! – удивился отец и скромно сказал: – А я вот мастер... стахановец!

– Слышала я, как же! – с гордостью сказала тётка. – А ведь сиротами мы росли. Вот уж истинно спасибо Советской власти! Всегда скажу, хотя сама как-то на отшибе живу. Связалась со своим домишком, с курами да с козами, и никакой пользы от меня нету... а и бросить не бросишь и уйти не уйдёшь...

– А как же теперь-то? На кого хозяйство оставила?

– Да кой-что попродавала. А кой-что у соседей оставила. Соседи – люди хорошие, поберегут, – прихлёбывая с блюдечка чай, говорила тётка.

– М-да... Это тоже не жизнь. На старости к своим прибиваться надо. Ты уж так обдумай: может, приживёшься и с нами останешься?

– Как ты, Паша... а я вся тут... Роднёй вас у меня никого нет.

Васёк вылез из-за стола и пошёл к Тане.

– У нас новость, – сказал он, – тётя Дуня приехала!

– Я уж слышу. Вот и хорошо, а то Павлу Васильевичу не управиться одному.

– А ты что же не идёшь к нам? Пойдём?

– Ну, что ты! Небось они о своих делах говорят. Зачем мешать!

– Таня, – крикнул Павел Васильевич, – иди познакомься, соседи ведь!

Таня, оправляя на ходу толстую косу, смущаясь, вошла в комнату.

– Не бойся, не бойся, – подталкивал её Васёк.

Тётка быстро оглядела девушку с головы до ног. На лице её появилось натянутое, неприятное выражение.

– Евдокия Васильевна, – сказала она, протягивая Тане руку. – Садитесь, гостьей будете.

– Да она не гостья, она наша, – громко сказал Васёк. – Она живёт здесь!

– Знаю, знаю, – сухо сказала тётка. – Уж я всё рассмотрела... Поддай стульчик, Васёк!

В последний день каникул Васёк вместе с отцом и тёткой пошли в цирк. Перед этим тётка устроила большие и торжественные сборы. Она с утра грела утюги, чистила и гладила через мокрую тряпку костюмчик Васька, заглаживала складки на брюках Павла Васильевича.

Таня боялась высунуть нос из своей комнатки. Тётка в первые же дни завладела всем домом. Она во всём навела свои порядки, распределила в кухне все кастрюльки на «ваше» и «наше». «Ваше» – это было Танино. Таня, видимо, побаивалась Евдокии Васильевны и даже на собственные вещи не решалась заявить свои права.

– Да берите, берите, – смущённо говорила она. – У нас до сих пор всё вместе было.

– Вот это-то и нехорошо, что вместе. Нам чужого не нужно, у нас своего хватит, – обрывала её тётка.

На Павла Васильевича тётка смотрела с обожанием. Без отца Васёк не садился за стол.

– Как это так? Мужчина в доме, самостоятельный, хозяин, а мы без него обедать сядем?

Павла Васильевича это стесняло, а Васёк, придя со двора, нетерпеливо слонялся по комнате:

– Тётя Дуня, я есть хочу!

– Это хорошо. Значит, аппетит нагулял, – спокойно отвечала тётка, сдвигая на кончик носа очки и растягивая на коленях своё шитьё.

Стол в ожидании отца был уже накрыт. Услышав знакомые шаги, тётка спешила на кухню:

– Васёк, подай отцу полотенце! Повесь куртку в коридоре – запах от неё паровозный!.. Садись, Паша. Устал небось?

Павел Васильевич, видя во всём порядок и чистоту, радовался. За столом Васёк запикивал в рот всё, что подавала тётка, и просил добавки.

– Вот это так, это хорошо! А то, бывало, того не хочу, этого не могу...

– Да, тебя ждать-то – с голоду помрёшь!

– Не помрёшь, – говорила тётка. – Желудок тоже аккуратность любит.

В этот день в цирк приехали московские артисты. Васёк всё боялся опоздать, но тётка не вышла из дому, пока не привела брата и племянника в полный порядок. Особенно её беспокоили съезжавший на сторону галстук Паши и рыжий чуб Васька. Галстук она в конце концов пришила к рубашке, а к рыжему украшению на лбу племянника подступила с ножницами. Но Васёк загородился от неё обеими руками:

– Папа, мне этот чуб нужен! Я его вот так кру-чу на уроке!

– Оставь, оставь, Дуня, – поспешно вступился отец. – А то, пожалуй, я своего родного сына не узнаю. Да и мать, бывало, любила...

Он решительно взял у тётки ножницы.

В цирке они сидели рядом. На арене плясали под музыку медведи, смешил клоун. Васёк подпрыгивал, хлопал в ладоши, хохотал. Отец тоже смеялся. Тётка, в шёлковой зелёной кофте,

сидела прямо, она изо всех сил старалась соблюсти приличие, смеялась в платочек и останавливала Васька. В антракте ели мороженое. Павел Васильевич и Васёк, перебивая друг друга, делились впечатлениями. Тётка с тревогой поглядывала вокруг.

– Паша, кланяется тебе кто-то.

– А, товарищ мой с сынишкой... Здорово! Здорово! – басил Павел Васильевич, пожимая руку приятелю. – Вот, знакомьтесь: моя сестра.

– Евдокия Васильевна, – церемонно знакомилась тётка, протягивая сухую, неsgiбающую ладонь. При этом голова её упиралась в плечи, на губах появлялась напряжённая любезная улыбка.

«Смешная какая-то!» – удивлялся Васёк.

Вечером, когда, весёлые и довольные, Трубочёвы вернулись домой, Васёк разделся и, по своему обыкновению, юркнул в отцовскую кровать. Но тётка решительно воспротивилась этому:

– Ты что это, Паша, позволяешь? Что у него, своей кровати нету? Теперь и в деревнях вместе не спят... Какой это сон для рабочего человека!

– Да нам поговорить нужно ещё. Мы с папой всегда на ночь разговариваем! – сердился Васёк.

– Пускай, пускай полежит немного, – защищал его Павел Васильевич.

Но тётка до тех пор не погасила огня, пока Васёк не перебрался на свою кровать.

Уткнувшись головой в подушку, он чувствовал себя неуютно и думал, что многое ему нужно было сказать отцу. Он вспомнил, что завтра в класс придёт новый учитель, вспомнил Сашу и Колю на пруду, белый холмик и огромную жёлтую луну. Перед глазами всё стало путаться. Холмик вдруг вырос в огромную снежную гору. И Васёк заснул.

Глава 10. Новый учитель

Каникулы кончились.

В дверях четвёртого «Б» стояли два ученика. Каждого входившего они сопровождали звонким шлепком по спине.

– Честь имею! Сам Трубачёв!

– Здорово! – кивнул головой Васёк.

В классе было шумно. Ребята наперебой рассказывали друг другу свои новости.

– Мы в цирке были, там медведь на велосипеде ездил! Ой, девочки, так смешно! – рассказывала подругам Надя.

– А я всегда боюсь в цирке – вдруг кто-нибудь упадёт! – серьёзно сказала Степанова.

– Лида, Лида Зорина! – теребила Нюра Синицына свою подружку. – У тебя лёгкая рука! С кем бы мне партой поменяться? Где мне сесть? А то новый учитель придёт, а я ничего не знаю.

– Лягушка-путешественница! Прочного местечка ищет! – сострил Коля Одинцов, пробираясь к Саше Булгакову.

Саша, окружённый со всех сторон ребятами, рассказывал:

– Я сзади него шёл. Думал, может, родитель чей-нибудь. А тут директор Леонид Тимофеевич. «Ну, говорит, сегодня у вас, Сергей Николаевич, первое знакомство с классом?» Я тогда оглянулся и побежал... Трубачёв! – крикнул Саша. – Иди сюда!

Но Трубачёва атаковали девочки.

– Мы с лыжной экскурсии все вместе шли, а вы отделились. А Митя зато нас всех конфетами угощал! – хвалились девочки.

– Ну, что нам конфеты! Зато мы в таком месте были, где ни одна человеческая нога не ступала, – хвастнул Трубачёв, – где снежные обвалы каждый день...

– Снежные обвалы, говоришь? – насмешливо переспросил Мазин. – И не задавило вас там?

– Прищемило немножко, – усмехнулся Петя Русаков.

– Мы удрали! – весело крикнул Саша.

– Ну, удрали! Просто ушли, потому что уже поздно было. Надо будет когда-нибудь днём туда сходить, – сказал Васёк.

– Не советую. Я слышал от одного охотника-следопыта, что туда нередко забегают волки, – равнодушно процедил Мазин.

– Ребята, слышите? Волки! – ахнул Саша.

– Волки? Я так и думал, – сказал Васёк. – Вот если б ружьё!

– Да их нельзя стрелять. Теперь на пруду заповедник, разве вы не знали? Там вообще всякие звери водятся, – придумывал Мазин.

– Да ещё голодные, верно. Такой подняли вой... – поёжился Одинцов. – А мы-то было разлеглись в сугробе...

– Вот так история! – сказал озадаченно Трубачёв. – Значит, мы в заповедник залезли... Булгаков, слышишь?

– Слышу. Хорошо, что вовремя выбрались оттуда, а то не собрали бы там наших косточек.

– Угу, – сказал Мазин и отошёл, удовлетворённый этим разговором.

В дверях показался Сева Малютин.

– Сегодня новый учитель! – сообщил ему Трубачёв.

По коридору прокатился гулкий звонок. Ребята уселись за парты. Все взгляды устремились на дверь.

* * *

В класс вошёл учитель. Он поздоровался, оглядел ребят и сказал:

– Ну, будем знакомиться. Меня зовут Сергей Николаевич.

– Сергей Николаевич... – повторил кто-то из ребят. Учитель улыбнулся и развёл руками:

– Но я один, а вас много! Давайте попробуем такой способ: я буду знакомиться сразу с целым звеном. Согласны?

– Согласны.

Ребята подтянулись, ждали. Учитель подошёл ближе к передним партам:

– Ну, начнём с председателя совета отряда.

Васёк вскочил:

– Есть! Председатель совета отряда Трубочёв!

Сергей Николаевич быстрым взглядом скользнул по крепкой фигуре Трубочёва, приметил непокорный рыжий чуб, тёмные глаза и приветливо кивнул головой:

– Запомню... Вожатые звеньев!

Лида Зорина, Саша Булгаков и Коля Одинцов встали.

– Давайте по очереди! – Учитель остановил глаза на Лиде.

– Звеньевая Зорина. В звене десять человек. Звено, встать! – краснея, скомандовала девочка.

Крышки парт с тихим шумом поднялись. Лида назвала всех по фамилии. За ней были вызваны Одинцов и Булгаков.

– А Булгаков у нас ещё староста!

– А Одинцов – ответственный редактор! – осмелев, зашумели ребята.

– Ну, значит, я приобрёл замечательных знакомых. Все такие ответственные лица... – пошутил Сергей Николаевич.

Ребята улыбались, переглядывались, кивали друг другу. Лёня Белкин показывал за спиной большой палец, выражая этим своё удовольствие.

Сергей Николаевич сказал:

– А я видел ваши работы на выставке. Некоторые очень интересны. Например, ледакол... потом подводная лодка... Очень, очень неплохо сделано.

Новый учитель понравился. Он двигался по классу уверенно и легко, не делая лишних движений, говорил звучным голосом, отчётливо выговаривая слова. Спрашивал ребят, как они провели каникулы, где были, что видели. Потом рассказал, как он в детстве любил собирать всякие коллекции и однажды, зацепившись за водоросли, полчаса просидел в реке.

– Не утонули? – испуганно спросила Надя Глушкова.

– Как видишь, – улыбнулся учитель. Улыбка у него была очень светлая и запоминалась.

Ребята разговорились. Каждому хотелось рассказать что-то о себе. Коля Одинцов летом был на Урале. Он привёз оттуда разные камни.

– Ты принеси в следующий раз, мы их тут рассмотрим, – сказал учитель.

Саша Булгаков собирал марки, многие ребята – коллекции насекомых.

Васёк вспомнил, что летом он занимался выжиганием по дереву, и спросил:

– Можно принести?

– Принеси.

На следующем уроке Сергей Николаевич вызывал к доске. Спрашивая, он терпеливо ждал ответа, а одному мальчику заметил:

– Ты сначала подумай, о чём хочешь сказать, а потом говори. Надо, чтобы мысль была совершенно ясная, тогда её легко выразить словами.

Уходя, учитель обратил внимание, что в одном месте парты слишком выдвинуты вперёд, и без всякого усилия один передвинул весь ряд.

Ребята ахнули.

После уроков не хотелось расходиться по домам. Ребята шумно обсуждали каждую шутку учителя, каждый жест, улыбку, слово.

– Нет, какой силач! Силач-то какой! – с восторгом кричал Лёня Белкин.

– Из всех учителей наш самый лучший! – говорили девочки.

– Он, наверно, военным был. Крепкий такой, ловкий! – предположил Одинцов.

– У него, пожалуй, не побалуешься на уроке, опасливо сказал Русаков.

Ребята засмеялись.

– Посмотрим, – равнодушно сказал Мазин. – А что он сделает?

– Вышвырнет из класса, вот что! Видал, как парты одним махом передвинул? – смеялись ребята.

– А мне так интересно было – я всё боялась, что звонок скоро, – улыбнулась Степанова.

– А Сеницына-то, Сеницына! – фыркнул Одинцов. – Как воды в рот набрала! А потом у доски каким-то тоненьким, не своим голосом пищала.

– Врёшь! Врёшь! Ничего подобного! Я ничуть не испугалась. И учитель мне ваш не понравился. Ни капельки не понравился! – прищурившись, протянула Сеницына.

– Да не может быть! – растягивая слова и так же прищурившись, передразнил её Одинцов.

– Дразнись не дразнись, а не понравился! – обернулась к нему Сеницына.

– А почему не понравился? Говори почему? – подступили к ней ребята.

– Она и сама не знает, – улыбнулась Валя Степанова.

– Нет, знаю! – упрямо сказала Сеницына. – Во-первых, у него к детям никакого подхода нет. А просто он с нами обращается как со взрослыми.

– Фью! – свистнул Одинцов. – Что же он, в детский сад пришёл? В ладоши хлопать должен?

В класс заглянул директор.

– Леонид Тимофеевич, а у нас новый учитель! – крикнула Лида.

– Да что ты говоришь? – развёл руками директор. – Как же это так? А я ничего не знаю!

Ребята дружно расхохотались.

– Я знаю, что вы знаете... – смутилась Лида, прячась за спины подруг.

Директор посмотрел на часы:

– Учитель новый, а расписание старое. Или вы решили на вторую смену остаться?

Ребята с шумом выбежали из класса.

* * *

Васёк ходил за тёткой, с жаром рассказывая ей про нового учителя.

– Он знаешь, тётя Дуня, сильный какой! Он взял и прямо с одного маху все парты передвинул. Силач!

– Боксёр, наверно, – предположила тётка.

– Нет. Почему боксёр? – растерялся Васёк. – Боксёр – это, знаешь, в таких перчатках борется. А он нет. Он же учитель.

– А... учитель? – складывая в корзинку вымытые ножи и вилки, рассеянно переспросила тётка. – Ну-ну... а где же это у меня ножик один? Обронила, что ли?

Она полезла под стол.

Васёк присел на корточки и, приподняв скатерть, с жаром продолжал:

– У нас все ребята любят его! И не то чтобы он очень добрый, он даже улыбается редко...

– Нашла, – вылезая из-под стола, сказала тётка и вдруг озабоченно спросила: – С чего же это он всё улыбается да улыбается?

– Кто?

– Да учитель ваш. Эдак и с ученья твоего мало толку будет.

– Да ну тебя! – рассердился Васёк. – Я совсем наоборот говорил.

– Это что же такое «наоборот»? – сдвинув на нос очки, строго допытывалась тётка.

Васёк посмотрел на неё и прыснул со смеху:

– Ой, не могу!

– Ишь, смеяться-то ты горазд, – добродушно сказала тётка. – А вот посмотрю я, как в учёбе поспеваешь. Очень уж вас балуют теперь. А про учителя ты лучше отцу расскажи: он человек самостоятельный, пускай сам разбирается, кто плох, кто хорош.

Васёк с хохотом выкатился в кухню:

– Таня! Я тёте Дуне про учителя рассказываю, а она... она... сначала... боксёром его...

Васёк беззвучно затрясся от смеха. Таня взглянула на его лицо и тоже залилась смехом.

Тётка вышла в кухню и, поглядев на Таню, ехидно сказала:

– Не знаю, кто из вас старше да умнее!

Но слова эти только подбавили жару в огонь. Васёк и Таня смеялись уже без всякой причины, неудержимо и весело.

Павел Васильевич пришёл поздно. Он был взволнован предстоящей длительной поездкой.

– Недельки на три укачу, – говорил он, глядя на Ваську тёплыми, озабоченными глазами. – Ты тут не скучай, Рыжик...

В этот вечер они долго разговаривали. Васёк торопливо рассказывал отцу все свои новости.

Учитель по рассказам сына понравился Павлу Васильевичу.

– Вот и гляди, чтобы не ударить перед ним лицом в грязь, – поучал он.

Тётка долго не гасила свет, но вмешиваться в разговор не решалась.

Утром в доме была суматоха. Тётка собирала отца в дорогу: пекла ему пирожки, складывала в чемодан бельё и метила его, чтобы оно, чего доброго, не перемешалось с чьим-нибудь чужим.

Васёк ходил за отцом по пятам и ежеминутно спрашивал:

– Ты целые три недели будешь?

– Три недели.

Васёк вздохнул:

– Ну ладно. Сегодня все ребята принесут в школу свои работы или коллекции. Я тоже хотел выжженную коробочку взять и мамину рамку.

Отец и сын начали разглядывать выжженные Васьком вещицы. Васёк осторожно держал в руках рамку. Из рамки смотрела на него мать со своей всегдашней спокойной, милой улыбкой.

– В бумажку заверни. Не потеряй там, – ска-зал отец.

– Ну, что ты!

Они поглядели друг на друга. Сердце у Васька сжалось.

– Приезжай скорей, что ли, – пряча рамку, сказал он.

– Паша, Паша, – закричала тётка, появляясь на пороге, – собирайся! Что ты с ним, как маленький, связался! С коробочками да рамочками...

– Ну-ну, – сдвинул брови отец, – не командуй. Это наши дела.

Он крепко обнял Ваську. Васёк благодарно и горячо сдавил руками его шею.

Тётка покачала головой и скрылась в кухне.

* * *

На кустах, обросших мохнатым инеем, выросли высокие шапки снега.

Сергей Николаевич шёл из школы. Он не торопился. В глазах у него пестрел класс. Несколько фамилий и лиц уже запомнились, другие ещё терялись в общей массе.

«Живые, хорошие ребята! И директор приятный...»

Сергей Николаевич вспомнил, как Леонид Тимофеевич, проводив его в класс, весь первый урок похаживал по коридору, как будто в классе сидели его собственные дети и держали экзамен перед новым учителем.

– Ну как? – вытирая платком круглую лысину, спрашивал он в учительской. – Как вам мои ребята?

Сергей Николаевич пожал ему руку.

Директор закивал головой.

– Там есть... Там есть пики-козыри! – сказал он, щуря смеющиеся карие глаза. – Но работать можно! Работать можно!

Учителя приняли Сергея Николаевича в свою среду просто и сердечно. Вожатый отряда Митя тоже понравился учителю.

Сергей Николаевич спрашивал Митю про пионерскую работу, сборы, экскурсии. Они вдвоём уселись на диван, а потом, стоя в дверях учительской, никак не могли расстаться, и Митя, силясь перекричать дребезжащий звонок, говорил:

– Мы на лыжах недавно через весь лес прошли... а девочки ребятам не уступают...

Сергей Николаевич взбежал на крыльцо маленького домика и крепко застучал ногами, отряхивая с калош снег.

Из комнаты его окликнул отец:

– Ну-ну, долго ты нынче! Как там дела?

Сидя в кресле, Николай Григорьевич приоткрыл одну половинку двери и, откинув голову, смотрел на сына из-под густых бровей светлыми голубыми глазами.

– Ну как? Познакомился? Подружился?

– Познакомился! – Сергей Николаевич повесил пальто, бросил на полку шапку. – И, кажется, подружусь!

– Ну и хорошо! Первое впечатление самое верное, говорят. За обедом подробно расскажешь. А у меня радость. Письмо получил. Матвеич мой объявился! На пасеке живёт. Приглашает в гости. – Старик протянул сыну письмо: – Вот, читай!

– Да ну? Матвеич?! А про Оксану пишет? – пробегая глазами неровные строчки, спрашивал Сергей Николаевич.

– Пишет, пишет! Соскучилась твоя сестрёнка, – вздохнул отец.

Матвеич был старый товарищ Николая Григорьевича. В гражданскую войну оба они партизанили на Украине, потом расстались, изредка обмениваясь письмами и сохраняя старую дружбу. Теперь Матвеич звал старика на Украину: «Приезжай, старина! Полечим твои больные ноги».

От партизанских лет, проведённых в лесах и болотах, у Николая Григорьевича к старости разболелись ноги. Он редко куда-нибудь выходил и в отсутствие сына скучал, с нетерпением глядя в окно. Особенно мучило его безделье.

– Я ведь ещё работать могу. Ноги мне не мешают, – грустно говорил он сыну – Ты вот всю ночь там что-то пишешь. Давай я хоть помогать тебе буду.

Как-то Сергей Николаевич попросил отца переписать свой доклад, с которым он должен был выступать на совещании учителей. Старик оживился, захлопотал и принялся за работу. Он

тщательно переписал доклад разборчивым, крупным, немного детским почерком, без единой помарки.

– Ого! Да тебе мог бы позавидовать любой ученик четвёртого класса! – смеясь, сказал Сергей Николаевич.

Вечером, выметая комнату, он обнаружил в углу скомканную бумагу – это были испорченные листы с кляксами. Но старик уже зарекомендовал себя как переписчик. И теперь Сергей Николаевич сам часто обращался к нему с просьбой переписать что-нибудь.

Прочитав письмо, они вдвоём стали сочинять ответ Матвеичу.

– А что, Серёжа, может, и катнём с тобой в гости, а?

– Катнём, катнём, – отвечал Сергей Николаевич. – Как-нибудь летом...

Глава 11. В классе

Ребята из четвёртого «Б» прибежали в школу раньше всех. Почти каждый из них тащил что-то под мышкой или осторожно нёс свою раздутую сумку.

– Стой, стой! Показывай, что за багаж у тебя? – останавливал на крыльце Грозный.

Иван Васильевич не переносил двух вещей: пугачей и рогаток.

Нюх у него на эти вещи был безошибочный:

– Стоп! Что-то ты такой бодрый нынче?

И, нащупав оттопыренный карман. Грозный вытаскивал оттуда предательски торчавшую рогатку.

– Так... до зубов вооружился. Давай пугач!

– Да нету у меня, Иван Васильевич!

– Нету? Кому-нибудь другому рассказывай!

Васька он пропустил беспрепятственно – из сумки у него торчал только выжженный пенал.

В классе ребята показывали друг другу свои сокровища.

Девочки принесли вязанье, платочки, вышивки. Мальчики высмеивали их:

– Станет он это смотреть, очень ему нужно! В куклы с вами играть!

– Мы Марии Михайловне всегда показывали. Ей даже нравилось очень! – кричали девочки.

– Марии Михайловне! Да она сама вышивала, она учительница, а он учитель! – доказывали им мальчики.

– Девочки, не слушайте их! Вот назло я первая свою вышивку покажу! Я не боюсь! – кричала Синицына.

– Ну и что хорошего? Только осрамитесь! – возмущался Одинцов.

– А какое вам дело? Мы сами за себя отвечаем.

– Девочки, не обращайтесь на них внимания! – уговаривала подруг Зорина.

Степанова медленно развязывала какую-то коробочку.

– Мы просто покажем всё, что у нас есть. А ты, Одинцов, умнее, когда молчишь, честное пионерское.

Надя Глушкова запрыгала:

– Получил? Получил?

На Одинцова со всех сторон посыпались шутки.

– Ну, напали!.. – крикнул Лёня Белкин. – Одинцов, удирай, а то засмеют!

– Да ну их!

Навстречу Ваську бросился Саша:

– Трубачёв, я тебя давно жду! Вот марки принёс.

– И я принёс пенал и рамку. – Васёк похлопал по сумке.

– Трубачёв, – крикнула Синицына, – мы первые будем свои работы показывать.

– Трубачёв, они хотят со своими вышивками вылезать... Понимаешь? Новый учитель – военный человек, а они к нему с тряпками! – объяснил Одинцов.

– Мы не с тряпками!

– А с чем же?

– У нас – своё, а у вас – своё!

Васёк положил на парту сумку.

– Тише! – Он выждал, пока наступила тишина. – Кого Сергей Николаевич спросит, тот и покажет – мальчик или девочка, понятно? А самим не вылезать, категорически! Понятно?

– Понятно! – прошумел класс.

– Ну и лучше! Так, по крайней мере, никому не обидно.

Ребята занялись рассматриванием принесённых вещиц. В классе шуршала бумага, под партами валялись обрывки газет, тесёмки, тряпочки.

Саша был занят марками. Одинцов раскладывал по ящикам свои камни. Трубочёв, сидя боком на парте, что-то рассказывал ребятам. Когда в класс вошёл Сергей Николаевич, все вскочили. Учитель прошёл к столу. Под ноги ему попала какая-то бумажка. Он поднял её, повертел в руках, потом оглядел класс и сдвинул брови.

– В классе грязно. В чём дело? – отчётливо сказал он и, заложив руки за спину, отошёл к окну.

Несколько ребят сорвались с места и нырнули под парты. Через минуту учитель повернулся к классу. Все сидели уже на местах с виноватыми, сконфуженными лицами.

– Я думал, что говорить о чистоте и порядке в четвёртом классе мне не придётся. Но пусть это будет в первый и последний раз. Вы не малыши, и объяснять тут вам нечего. Есть староста, есть дежурный по классу, есть санком. Честный человек честно относится к своим обязанностям.

Все были подавлены. Синицына, прикрыв ладонью рот, отвернулась и сделала ребятам гримасу.

«Что? Говорила я вам? Вот и любите его после этого!» – было написано на её торжествующей физиономии.

Начался урок. Учитель вызывал к доске, спрашивал с мест. Ребята подтянулись. Они старались так ходить, как ходит учитель, так чётко выговаривать слова, как выговаривает он, и вообще заслужить улыбку, шутку, похвалу. Выходя к доске, мальчики прижимали руки к туловищу и старались держаться прямо, по-военному.

На перемене озабоченно переговаривались между собой:

– Не спрашивает, что принесли.

– Забыл или рассердился?

– Ага, похвалиться хотели, а он и не спрашивает ничего! – язвила Синицына.

Васёк заложил в учебник свою рамочку – он уже пожалел, что принёс её: «Зря только карточку изомну».

Но на последнем уроке Сергей Николаевич вдруг сказал:

– Кто-то из вас собирался принести свои работы, коллекции. Одинцов, кажется, хотел показать уральские камни.

Ребята ожили:

– Одинцов, Одинцов, иди!

Одинцов покраснел от удовольствия:

– Можно показать?

– Конечно.

Одинцов вытащил из сумки серую коробку с несколькими отделениями и подошёл с ней к столу. Учитель внимательно рассматривал камни – о каж-дом он знал что-нибудь интересное. Рассказывая, держал камень на ладони, обходил с ним всех учеников.

Или говорил Одинцову:

– Покажи ребятам.

За камнями появились коллекции насекомых, за коллекциями – Сашины марки. Всё приобрело особый интерес в руках учителя.

– Вот этот жук... – говорил Сергей Николаевич. И жук начинал оживать в его рассказе. Он гудел, жужжал, портил в садах деревья, спасался от преследования и наконец укладывался обратно в коробочку.

– Вот эта марка... – говорил учитель.

И марка начинала длинное путешествие из чужой страны через моря, через океаны, на судне, на самолёте, в поезде и наконец возвращалась к Саше.

Васёк показал пенал и рамку с карточкой матери. Учитель спросил, кто выжигал.

Васёк сказал, что он сам. Учитель посмотрел на карточку и улыбнулся:

– Твоя мать?

– Да, – сказал Васёк и, испугавшись, что учитель будет что-нибудь спрашивать, поспешно добавил: – Она умерла.

– Возьми, – сказал учитель, передавая ему рамку.

И, подняв вверх пенал, стал рассказывать, как по дереву можно выжечь различные рисунки и раскрасить их.

Несколько мальчиков не принесли ничего. Учитель удивился:

– А что же вы любите, что делаете дома?

Малютин вытащил из-под парты большой лист.

– Я немножко черчу, – сказал он. – Вот тут я нашу школу начертил, и улицу, и парк... – Рассказывая, он проводил мизинцем по тонким и жирным линиям на бумаге. – А вот это, – указал он на другой чертёж, – прямо так, я выдумал из головы такое, как бы мне хотелось... чтоб было... новая школа, фруктовый сад вокруг, пристань...

Ребята вытянули шеи и с любопытством смотрели на Севу.

– Постой, это очень интересно. Это план, так сказать. Молодец! – с видимым удовольствием сказал учитель. – А как же ты чертить научился?

– У меня мама чертёжница, я ей помогаю иногда, – скромно сказал Сева.

– Интересно, – улыбнулся учитель. – Ну, давай покажем ребятам, как делается план улиц, строений. Покажи-ка нам школу!

Сева прошёл по всем партам, объясняя:

– Вот улица... вот школа...

Когда он кончил, Сергей Николаевич сказал:

– А девочки нам ничего не показали!

Девочки низко наклонились к партам. Лида Зорина бросила торжествующий взгляд на мальчиков и шепнула что-то Вале Степановой.

Степанова встала:

– У нас одно фото... Потом одна девочка занимается лепкой, потом ещё одна книжки переплетает... и ещё...

Она обернулась к подругам.

– Игрушки... игрушки... – подсказал кто-то сзади.

– Да, игрушки на ёлку и ещё... вышивки всякие, – закончила Валя Степанова.

– Так давайте, что же вы! Это всё нужные и интересные занятия. Очень интересные!

Девочки, перешёптываясь, достали свои свёрточки и гуськом потянулись к столу.

Мальчики переглядывались:

– Ого! Когда это они делали? Вот хитрюги какие!

– Смотри, смотри! Степанова снимок показывает!

Сергей Николаевич держал в руках фотографический снимок:

– Очень интересная работа! Это ты, что же, увеличила?

За снимками появился удачно вылепленный из глины галчонок с раскрытым ртом и растопыренными крыльями, за галчонок – вылитые из гипса фигурки и аккуратно переплетённые книги.

Мальчики молча таращили глаза.

Сергей Николаевич рассматривал всё с большим интересом. Лучшие работы показывал классу.

Вышивки, кружева и вязанье тоже понравились учителю.

– А вот это и я умею делать, – вдруг сказал он, поднимая вверх туго сплетённый из сутажа пояс. – У меня даже галстук такой есть!

Девочки ликовали. Мальчики улыбались, но на девочек не глядели.

Учитель рассмотрел ещё несколько вышивок; на одной трудно было определить, кто вышит – не то заяц, не то кошка. Разговор перешёл на мышей, ежей, кроликов.

Одинцов сострил:

– А Лёня Белкин поймал белку.

– Жалко, что у нас нет Медведева: он поймал бы медведя, – сказал учитель.

– Есть, есть Медведев! – закричали ребята. Медведев, коротенький, щупленький мальчик, поднялся с места.

– Мне не поймать, – смущённо сказал он под громкий хохот ребят.

Глава 12. «Тише... тише...»

Одинцов, Саша Булгаков и Васёк вышли вместе.

– Вот что, ребята, – сказал Васёк. – Давайте пересмотрим расписание дежурных, чтобы такого, как сегодня, больше не было. Слышали, как он сказал: в первый и последний раз! Да ещё о честности...

– Да! – подхватил Одинцов. – Я сегодня чуть не пропал, думал – сквозь землю провалюсь, когда он отошёл к окну.

Саша вытащил записную книжку.

– Кого же мне назначить? Может, вместе составим расписание?

– Одинцов, ты помоги ему... Знаешь, чтоб подобрать хорошие пары, кого с кем, чтобы всё как по маслу шло!

– Ладно, мы сделаем! А я вот что, ребята, придумал: давайте попросим Сергея Николаевича посадить нас вместе, – сказал Одинцов.

– Да как же втроём сядем? – засмеялся Васёк.

– Ну, один впереди, два сзади, а всё-таки вместе. Попросим, а?

– Ну что ж, попросим, – решили товарищи.

У своего дома Васёк распрощался с друзьями.

– Папа уехал? – спросил он у порога.

– Уехал. Утром ещё. А ты что же, забыл? – отозвалась тётка, накрывая на стол.

– Нет, не забыл.

Васёк почувствовал острую необходимость видеть отца, рассказать ему о том, что было в классе, посоветоваться.

«Сейчас надо бы подтянуть ребят... – подумал Васёк. – А как подтянуть?»

Он вспомнил, что ему говорил Митя: «Хочешь ребят подтянуть – подтянись сам, а то ребята знаешь какие? Сразу скажут: „Ты что с нас спрашиваешь? Ты раньше с себя самого спроси“».

Васёк вспомнил, что за всё время каникул он не брал в руки учебника, и, наскоро пообедав, сел заниматься. Но мысли как-то разбежались, что-то не додумывалось до конца, беспокоило. «Со стенгазетой запаздываем. И что Одинцов думает! Ведь он редактор, почему я должен ему напоминать?»

Кроме стенгазеты, что-то ещё царапало Ваську. Когда учитель похвалил Малютина за чертежи, Васёк вдруг почувствовал что-то против Севы и довольно грубо сказал ему, когда тот сел рядом с ним: «Не рассаживайся на всю парту со своими планами!»

– Васёк! – позвала из кухни Таня. – Иди сюда! У меня билеты в кино. Пойдёшь? У нас в клубе. Вместе и домой потом придём.

Васёк не успел ответить – тётка просунула в дверь голову:

– Васёк уроки должен учить, день будний, а в вашем клубе как-нибудь обойдутся без него!

– Как хочет, – бегло взглянув на мальчика, сказала Таня.

– Ему и хотеть нечего, за него взрослые думают...

– Почему это ещё? – грубо прервал её Васёк. – Захочу – и пойду! Ты мне запретить не можешь – я не маленький.

– Тише, тише... – вдруг зашептала тётка, приложив к губам палец с напёрстком и оглядываясь с таким видом, будто в комнате спал ребёнок. – Тише, тише... тише.

– Чего – тише? – сбавляя тон, удивлённо спросил Васёк.

– Сядь на место сейчас же, – тем же значительным шёпотом произнесла тётка.

Таня смотрела на неё испуганными глазами.

– Сядь на место тихонечко...

Васёк пожал плечами, пошёл в свою комнату и сел на место.

– Ну и чего? – нетерпеливо спросил он, поднимая глаза на вошедшую за ним тётку.

Тётка молча закрыла в кухню дверь и спокойно взяла своё шитьё.

– Что – чего? – сказала она обычным голосом. – Чего задано. Сиди и занимайся.

Васёк покраснел от злости.

«На пушку взяла... „Тише... тише...“ Колдунья старая!» – с раздражением думал он, глядя на склонённую голову тётки с ровным, как ниточка, пробормотом.

Но делать было нечего. Он раскрыл учебник географии и стал заниматься. А поздно вечером, засыпая, слышал сквозь сон, как тётка отчитывала Таню:

– Ваше ученье в ваших руках. Вы себя самостоятельной чувствуете, хотя и не сказать, что много над образованием трудились, а Ваську ещё учиться да учиться. Теперь сын отца перегоняет, в жизни последнее место никому не надобно, а вы молодая, беспечная – может, вся ваша жизнь для кино пойдёт...

Васёк не слышал, что отвечала Таня, и сам не мог двинуться на её защиту; голос тётки, однозвучный и монотонный, как дождь по стеклу, заглушался непобедимым сном набегавшего за день человека. «Иш-шь... ты... тётка...»

Глава 13. Расписание

Одинцов и Саша Булгаков, проводив Ваську, пошли вместе, советуясь, как лучше составить расписание дежурств.

– Хорошо бы девочек отдельно, а мальчиков отдельно, – сказал Саша, – а то они на дежурстве ссориться будут и сваливать друг на друга.

– Верно! – обрадовался Одинцов. – Мы их отдельно поставим. Пусть они за себя отвечают, а мы за себя. Тогда, по крайней мере, Сергей Николаевич сразу будет знать, кто честно дежурит, а кто нечестно.

– Да, и потом соревнование у нас получится.

– Зайдём сейчас ко мне и сразу напишем, а завтра вывесим, – предложил Одинцов.

– Зайдём!

Товарищи провозились часа два, а утром чисто переписанное Одинцовым расписание висело в классе под двумя заголовками:

ДЕЖУРСТВО МАЛЬЧИКОВ

и

ДЕЖУРСТВО ДЕВОЧЕК

Дальше следовали фамилии.

* * *

На другой день Васёк встал рано. Тётка разговаривала с ним как ни в чём не бывало. «Обманула меня вчера, хитрюга!» – беззлобно думал Васёк, вспоминая вчерашний слушай.

В школе навстречу ему бросился Леня Белкин:

– Трубачёв, иди скорей! Там девчонки из-за расписания крик подняли.

– Какой крик? – Васёк быстрыми шагами вошёл в класс. Около нового расписания собралась целая куча ребят.

– Неправильно! Всё равно неправильно! – кричали девочки. – Не имеете права разделять класс! И мы ничуть не хуже вас дежурируем!

– Не хуже, а лучше!

– А ты, Булгаков, звеньевой, да ещё староста, Одинцов тоже звеньевой, а делаете неправильно! – кричала Лида Зорина, взъерошенная, как птица, защищающая своих птенцов.

– Вы лучше, так вот мы вас отдельно и поставили! – старался перекричать её Одинцов.

– Мы думали соревноваться с вами, – оправдывался Саша.

– Не спорьте, не спорьте! – вмешался Васёк. – Не кричите! Сейчас всё разберём... Зорина, подожди!.. В чём дело, Булгаков?

– Понимаешь, мы их отдельно в расписании поставили, чтобы в случае чего они сами за себя отвечали, а мы сами...

– А они орут! – с возмущением перебил Сашу Одинцов. – Мы хотим, чтоб лучше было...

– Трубачёв! – выскочила опять Лида. – Они хотят, чтобы мы дежурили отдельно, а я считаю – это не по-товарищески. Мы все должны быть вместе. И вообще, ребята к девочкам придираются... Ты разберись, Трубачёв!

– Вы вечно на нас жалуетесь! – кричал Белкин.

– Из-за всякой мелочи тарарам поднимаете! – презрительно бросил Мазин.

– Тише! – Васёк крепко сдвинул брови, подошёл к стене, сорвал расписание и сунул его Одинцову: – Перепиши заново. Зря это.

Класс притих. Одинцов и Саша глядели на Трубочёва виноватыми глазами.

Васёк сердито повернулся к ним:

– Мы ведь как хотели сделать? Составить крепкие пары дежурных. А вы что? Одним словом, надо переписать заново... И нечего крик поднимать!

– Девчонки все языкатые! – крикнул кто-то из ребят.

– Мы не языкатые, а если неправильно, молчать не будем, мы тоже... – начала Степанова.

– Перестань! – прервал её Васёк. – Сейчас звонок будет... Ребята, по местам!

Ребята разошлись по партам, кое-кто продолжал ещё ворчать.

Васёк Трубочёв поднялся из-за парты и, обернувшись лицом к классу, постоял так несколько секунд. Потом молча сел.

– Образцовая тишина. Я думал, у меня ни одного ученика нет, – пошутил Сергей Николаевич, входя в класс.

Васёк пригладил свой рыжий чуб и удовлетворённо улыбнулся.

Глава 14. Урок географии

Первый урок был география. Сергей Николаевич принёс в класс большую немую карту.
– Сейчас мы с вами немножко попутешествуем, – сказал он, отходя в сторону и потирая руки.

Из окна на лицо Сергея Николаевича падал свет, и ребята в первый раз заметили, что у него светло-серые глаза и очень белые зубы.

– Ну так... Трубачёв! Зорина! Мазин! – медленно вызывал учитель.

Ребята с интересом смотрели, как один за другим подходили к доске вызванные.

Васёк старался казаться спокойным, чёрные брови Лиды Зориной испуганно лезли вверх, и даже на толстых щёках Мазина выступил румянец.

Все трое остановились у карты.

Учитель окинул их взглядом и обратился к классу:

– Три рыбака... скажем, бригадиры рыболовецких бригад... водным путём везут в Москву рыбу.

Ребята слушали внимательно, боясь пропустить хоть одно слово.

Ты, Трубачёв, везёшь рыбу... – учитель прищурился и поглядел на карту, – с Балтийского моря. Зорина везёт рыбу с Каспийского моря, а Мазин – с Белого моря. Все три бригады должны встретиться в Москве, понятно?

– Понятно, – ответил за всех Васёк.

Лида Зорина уже бегала глазами по карте. Мазин тоже уставился на карту, пытаясь определить направление рек.

– Посмотрите внимательно, выберите себе путь и отправляйтесь, – сказал Сергей Николаевич. – Ну, кто первый начнёт?

Ребята поглядели друг на друга.

– Я, – сказал Васёк и взял указку. «Будь что будет!» – подумал он.

– Трубачёв? Ну, пожалуйста!

– С Балтийского моря я вошёл в Финский залив... – начал Васёк.

Учитель кивнул головой.

– ...прошёл по Неве... – Васёк показал на карте.

– Хорошо, – сказал Сергей Николаевич.

...в Ладожское озеро... – Васёк откашлялся, чтобы выиграть время, – затем вот по этой реке...

– Свири, – подсказал Сергей Николаевич. Васёк заторопился:

– ...в Онежское озеро...

Через секунду он уже плыл по Шексне, достиг Рыбинского моря, благополучно прибыл в Москву и с облегчением вздохнул.

– Очень хорошо, Трубачёв! Теперь жди своих товарищей.

Лида Зорина взяла указку.

– Вот, кажется, на встречу с тобой направляется женская бригада Зориной... Откуда идёшь, Зорина?

– С Каспийского моря, – ответила Лида Зорина, осторожно вывела свой пароход на Волгу, прошла мимо Астрахани, мимо Сталинграда, вышла на реку Оку, бойко перечислила по пути несколько городов, благополучно прибыла в Москву и, тряхнув косичками, передала указку Мазину.

– Я вот здесь поеду, – сказал Мазин, направляясь к Северной Двине.

Учитель улыбнулся:

– Как хочешь, но у тебя есть более короткий путь.

– Я по Северной Двине, – безнадежно сказал Мазин, упираясь в неизвестные ему при-
токи. Направо узенькая ниточка неожиданно оборвалась. Налево путь был неизвестен. Мазин
подумал и вернулся обратно. – Застрял, – сознался он, отвечая на вопросительный взгляд учи-
теля.

– Трубачёв, подскажи ему, – сказал учитель. Трубачёв взял у Мазина указку.

– Можно через Сухону к Рыбинску, – сказал он.

Когда Мазин с помощью Трубачёва добрался до Москвы, Сергей Николаевич посадил
всех трёх учеников на место и сказал:

– Трубачёв справился с трудным путём. Зорина тоже не сплеховала. А вот Мазин пока
что плохой путешественник. Москва, пожалуй, не скоро получит от него рыбу.

Ребята засмеялись. Но Сергей Николаевич стал серьёзным:

– Тебе, Мазин, нужно немножко подучиться.

Мазин почесал затылок:

– Я много пропустил...

– Трубачёв, помоги товарищу, – сказал Сергей Николаевич.

– Есть! – радостно отозвался Трубачёв и оглянулся на Мазина.

По одному взгляду его Мазин понял, что занятия будут серьёзные.

«Пожалуй, я с ним не только в Москву, а в Атлантический океан заеду», – со вздохом
подумал он. И не ошибся. Сразу же на перемене Васёк с решительным видом подошёл к нему:

– Выбирай: я к тебе или ты ко мне?

– Я к тебе, – уныло ответил Мазин.

– Ну, – сказал Русаков товарищу, – не хотел бы я быть на твоём месте. С Трубачёвым
дело иметь – чахотку наживёшь. По всем горам будешь лазить, во всех реках искупаешься, –
печально сострил он.

– Зато в классе не утону, – усмехнулся Мазин.

После обеда он направился к Трубачёву.

Васёк уже ждал его, с нетерпением поглядывая на дверь.

– Ну и обедаешь ты! Целую корову можно съесть за это время! – встретил он товарища.

Мазин увидел карту, разложенную на полу, и почесал затылок:

– Эх, жизнь!

Васёк вытащил учебник географии:

– Говори честно, что знаешь и чего не знаешь. Мазин скосил глаза на учебник:

– Ничего не знаю.

– Совсем ничего?

– Совсем ничего.

– Ладно, – сказал Васёк, – начнём с первой страницы.

– Я способный, – утешил его Мазин. – Давай показывай.

Мальчики погрузились в занятия. Тётка два раза заглядывала в комнату, на цыпочках
проходила мимо двух склонённых над картой голов и, когда Мазин ушёл, сказала Васёку:

– Это что ж ты на этого толстого здоровье своё тратишь? Два часа на коленках лазил,
небось и чулки протёр. Кто это велел тебе?

– Учитель велел. Да он способный, ничего, – ответил Васёк, собирая на завтра книги.

Глава 15. Стенгазета

«Доброе утро!» – сказал по радио чей-то громкий голос.

Васёк вспомнил, что как-то в разговоре с ребятами Сергей Николаевич посоветовал всем делать зарядку. Он почувствовал прилив бодрости, вскочил с постели и, стоя в одних трусиках посреди комнаты, начал делать упражнения.

– Ты что это акробатничаешь с утра? – недовольно спросила тётка, обходя его стороной с чайной посудой в руках.

– Зарядку делаю!

Васёк показал ей на радио. Тётка прислушалась.

«Вдох... выдох... приседание...»

– Не очень-то приседай, а то в школу опоздаешь, – добродушно сказала тётка, не смея спорить с тем, чей голос в этот утренний час распорядился всеми ребятами.

«Значит, так надо, – решила она про себя. – Зря бы не стал человек по радио надрываться». И, выждав, пока Васёк кончил, тётка спросила:

– А что же ты раньше этой самой зарядки не делал?

Васёк, обтирая мохнатым полотенцем крепкое, как орех, разогретое движениями тело, просто ответил:

– Глупый был.

– А... поумнел, значит? – пошутила тётка.

Племянник ей нравился. Он аккуратно ходил в школу, учился, учил других, хорошо ел, крепко спал и редко спорил с нею. Каждый день спрашивал, нет ли писем от отца, скучал без него, но не жаловался, не ныл, а переносил разлуку стойко.

От Павла Васильевича уже было одно письмо. Тётка с особым удовольствием передала его Васёку и, увидев его загоревшиеся глаза, с удовлетворением подумала: «Хороший сын. Такой сын и на старости отца не обидит».

В письме Павел Васильевич описывал дорогу, места, которые он проезжал, мирную трудовую жизнь тамошних людей.

«Богато тут живут люди, и всего здесь много, только нет моего вихрастого Рыжика», – неожиданно заканчивал отец. Васёк читал, перечитывал, смеялся, а вечером забрался на отцовскую постель и заснул, положив письмо под подушку. Утром, лёжа в кровати, он пересчитал по пальцам, сколько дней осталось ещё до приезда отца: десять плюс шесть – шестнадцать.

– Шестнадцать так шестнадцать, – сказал он вслух, тяжело вздыхая.

Хотелось, обхватив руками шею отца, рассказать ему все новости, порадовать хорошей отметкой по географии и похвалой учителя.

«Ничего! Я ещё за это время постараюсь, – успокоил себя Васёк. – Надо Мазина подтянуть хорошенько».

После зарядки и умывания Васёк позавтракал и отправился в школу.

– Ну, как Мазин? Соображает что-нибудь? – спросили его ребята.

– Способный, как чёрт! – с гордостью ответил Васёк.

– Да что ты? – удивился Саша и с сожалением покачал головой. – Значит, просто учиться не хотел.

– Жирняк эдакий! – засмеялся Одинцов. – Ты с него жирок спусти маленько – лучше голова будет работать.

– Лучше не надо – он и так всё вперёд как-то соображает.

– Как это – вперёд? – заинтересовались Саша и Одинцов.

– А так... Смотрит по карте – реки там или горы, сейчас же надует щёки, уставится куда-нибудь в одну точку и скажет: «Здесь можно туннель пробить, тогда вот сюда выход будет». Или насчёт реки интересуется: «Тут если плотиной загородить, так океанский пароход пройдёт!»

Васёк откинул голову и засмеялся. Товарищи тоже засмеялись.

– А ведь здорово! И правда вперёд сообщает, – удивился Лёня Белкин.

– Ну, лишь бы не назад! – сострил Одинцов и, заметив входившего Мазина, толкнул Трубачёва: – Не смейся, а то подумает – над ним.

Васёк встал и пошёл навстречу Мазину.

– Ты повторил на ночь всё, что мы прошли? – строго спросил он.

– Повторил.

– Ну, знаешь теперь?

– Назубок.

– Молодец! Сегодня опять приходи.

– Сегодня стенгазету нужно делать, Митя спрашивал. Я свою статью написал, а ребята ничего не дают, – сказал подошедший Одинцов. – Одна Синицына какие-то дурацкие стихи написала. Ты объяви в классе сегодня. И так до последнего дня дотянули, – озабоченно добавил он.

– А ты сам-то что молчал? Ты редактор!.. Булгаков! – крикнул Васёк.

– Чего? – отозвался со своей парты Саша.

– «Чего»? Ничего! Митя сердится. В стенгазету никто не пишет, – сказал Трубачёв.

– А я виноват? – вспыхнул Саша. – У нас редактор есть – Одинцов.

– «Редактор, редактор»? Что мне, за всех писать самому, что ли? – буркнул Одинцов.

– Ну ладно, – сказал Трубачёв, – сегодня соберём редколлегия.

– Ребята! – закричал Одинцов. – После уроков – редколлегия. Сейчас же давайте заметки в стенгазету!

– А о чём писать? Что писать? – раздались голоса.

– Пишите о чём хотите!

– Моё дело сторона! Я стихи дала, – вскочила Синицына.

– Я тоже одну заметку написала, – сказала Зорина, оглянувшись на подруг.

– А я не умею ничего – я не писатель, – заявил Петя Русаков.

– Мазин! – крикнул Васёк.

– Чего?

– Пиши заметку!

– Хватит с меня географии.

Ребята захохотали:

– Он теперь с Трубачёвым рыбу возит!

– В Белом море купается!

– У него на Северной Двине крушение произошло!

– Эй, Мазин!

– Ребята, без шуток! – сказал Васёк. – Кто ещё заметку даст?

– А чего Трубачёв командует? Пускай сам тоже напишет! – крикнул кто-то из девочек.

– И напишу! – покраснел Трубачёв. – Сегодня же. Кто ещё?

В классе стало тихо.

– Я дам рисунок, – сказал Малютин.

– Кто ещё? – повторил Васёк.

Над партами поднялось несколько рук. Одинцов сосчитал.

– Хватит, – облегчённо сказал он и сел на своё место.

* * *

На большой перемене Васёк вместе с ребятами вышел на школьный двор. Ребята сейчас же затеяли перестрелку снежками, но Васёк потихоньку удалился в самый угол двора и, засунув руки в карманы пальто, стал ходить по дорожке вдоль забора. Его беспокоила заметка, которую он обещал сегодня же дать в стенгазету. Он завидовал Одинцову, который легко справлялся с такими вещами.

«Он, может, вообще будущий писатель, а я, наверно, архитектор какой-нибудь – о чём мне писать? – Васёк сердился на всех и на себя. – Если б я ещё дома сел и подумал, а так сразу – какая это заметка будет!»

Он слышал весёлые голоса и хохот ребят, видел, как ожесточённо нападали они друг на друга, как шлёпались о забор и разлетались белые комочки снега.

«Бой с пятым классом. Наши дерутся. А я здесь...»

– Трубачёв, Трубачёв, сюда! – нёсся издали призыв Саши.

Закрываясь руками, он боком шёл на врага, сзади него стеной двигались ребята из четвёртого «Б», и даже девочки поддерживали наступление, обстреливая неприятеля со стороны.

– Трубачёв!..

Васёк рванулся на призыв, но вдруг остановился, круто повернулся спиной к играющим, присел на сложенные у забора брёвна и вытащил из кармана бумагу и карандаш.

Несколько любопытных малышей вприпрыжку подбежали к нему.

– Куда? Кыш отсюда! – грозно крикнул на них Васёк и, устроившись поудобнее, решительно написал:

«В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ

Ребята! Ничего нельзя делать в последнюю минуту, потому что торопишься и ничего толком не думаешь. Эту заметку я мог бы написать дома, а сейчас пишу на большой перемене. Последняя минута – самая короткая из всех минут, а сейчас я вспомнил, что мог бы о многом написать – о дисциплине, например. Но в школе уже звонок, а заметку я обещал дать во что бы то ни стало, и получилось у меня плохо. Давайте, ребята, ничего не будем оставлять на последнюю минуту!

В. Т р у б а ч ё в».

Васёк решительно свернул листок и зашагал по тропинке.

– Одинцов, прими заметку, – не глядя на товарища, сказал он.

– Уже? – удивился Одинцов, вытирая шарфом мокрое, разгорячённое лицо. – Я так и знал, что ты пишешь! А мы тут пятых в угол загнали. Как окружили их со всех сторон – и давай, и давай! Сашка орёт: «Трубачёв! Трубачёв!» Слышал?

– Слышал... я на брёвнах сидел, – с сожалением сказал Васёк. – Сам себя наказал... да ещё написал плохо...

– Плохо? Посмотрим, – важно сказал Одинцов, пряча заметку. Он почувствовал себя ответственным редактором. – Плохо, так исправишь.

– Отстань, пожалуйста! Я и эту-то наспех писал, когда мне исправлять её? Не на уроке же! – рассердился на товарища Васёк. – Плохо – не бери. Вот и всё!

– С Митей решим, что брать, а что нет. Материала хватит, – независимо ответил Одинцов и, увидев Лиду Зорину, подошёл к ней.

Васёк уселся на свою парту и заглянул через плечо в тетрадку Малютина. Тот, глядя на картинку в книге, писал крупными буквами незнакомые слова.

– По-каковски это? – спросил Васёк.

– Немецкий у меня сегодня после школы. Я в группу хожу, пояснил Сева.

– А зачем это тебе? Ведь у нас английский учат.

– Немецкий тоже надо знать, – просто ответил Сева.

– Всех языков не изучить!

Сева хотел что-то возразить, но Васёк был зол и повернулся товарищу спиной.

«И зачем это я такую дурацкую заметку дал? Может, лучше назад взять, а то все надо мной смеяться будут. Пойти к Одинцову?»

Но к Одинцову он не пошёл, сомневаясь, что лучше: не выполнить обещание или оспориться с плохой заметкой.

* * *

В пионерской комнате шла оживлённая работа. Ребята складывали по порядку номера журналов и подшивали «Пионерскую правду», чтобы передать в школьную библиотеку.

Васёк покрывал лаком рамку для стенгазеты.

«Вот это по мне», – думал он, с удовольствием макая кисть в густой лак.

Митя сидел за столом, просматривая заметки для стенгазеты.

– Это всё у тебя? – спросил он Одинцова, приглаживая пальцами светлые волосы. – Мало-мало, плохо шевелитесь!

– Многие только сегодня дали, – виновато сказал Одинцов. – Вот Лида Зорина дала заметку, и Трубочёв, и ещё несколько ребят... – Он подвинул к Мите новую пачку бумаг.

– А, ещё есть! – обрадовался Митя. – Давай, давай!

Нюра Синицына вбежала в комнату и, оттолкнув Одинцова, положила на стол вырванный из тетрадки лист.

– Вот, Митя! Я стихи написала, а Одинцов не берёт. Он думает, что если он редактор, так может распоряжаться. А стихи очень хорошие, мои родители даже в «Пионерскую правду» послать хотели!.. – затрещала, размахивая руками, Синицына.

– Стоп, стоп! – остановил её Митя. – Экая ты мельница!

– Вот она всегда так! – возмущённо сказал Одинцов. – Кричит только, а у самой голова ничего не работает. Вот прочти, что она тут написала.

– «Что написала, что написала»!.. – передразнила его девочка.

– Сядь и помолчи! – потянул её за рукав Митя. – Сейчас разберёмся. Я уже говорил тебе, Одинцов, что такие спорные вещи надо решать сообща.

Васёк оставил работу и подошёл к столу.

– Мы всей редколлегией проверяли. Тут она Лермонтова и Пушкина списала, да ещё сама между ними втёрлась! – сердито сказал он.

– Неплохо попасть в такое соседство! – засмеялся Митя. – Сейчас посмотрим, что у неё получилось. Он громко прочёл:

Уж небо осенью дышало,

А я учёбу начинала.

Взяла тетрадки и пошла,

Так я учёбу начала.

– Тьфу! – не выдержал Одинцов.

– Вот он всегда на меня нападает! – пожаловалась Синицына.

– Да потому нападаю, что глупо! Противно...

– Потихе, потихе, – сказал Митя. – Плохо ведёшь себя, Одинцов! Так не годится: лиш-ний спор заводишь и мне не даёшь прочитать до конца.

Одинцов замолчал.
Митя начал читать сначала:

Уж небо осенью дышало,
А я учёбу начинала.
Взяла тетрадки и пошла,
Так я учёбу начала.
Белеет школа одиноко
В тумане неба голубом,
Идти мне в школу недалёко —
На крайней улице мой дом.
Мои родители давали
Мне на прощание совет:
«Учись ты, Нюра, хорошенько —
В награду купим мы конфет».

М-да... – задумчиво протянул Митя и посмотрел на Сеницыну. – Плохо. Очень плохо!
– А почему плохо? Рифма есть, всё есть, – забормотала Сеницына, поглядев на всех.
Митя ещё раз пробежал глазами стихотворение и тяжело вздохнул:
– Почему плохо? Прежде всего по мысли плохо. Ты вот пишешь о себе:

А я учёбу начинала.
Взяла тетрадки и пошла...

А родители тебе за эту учёбу обещали конфет.
Ребята фыркнули.
– А ещё Пушкин и Лермонтов тут у неё!
– Вот уж ничего подобного! – сказала Сеницына.
– Ну как же ничего подобного? – улыбнулся Митя. – Вот смотри:

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало...

Чьё это?
Сеницына раскрыла рот, чтобы что-то сказать.
– Постой. Дальше посмотрим:

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом...

Это чьё?
– Во-первых, у меня не парус, а школа белеет...
Одинцов громко фыркнул. Митя рассердился:
– Одинцов, ступай займись подшивкой газет! Стыдно! Большой парень – и не умеешь себя в руках держать. Ступай!
Одинцов нехотя отошёл от стола.
– А ты, Нюра, сядь. Мы с тобой сейчас разберёмся хорошенько.
Сеницына надулась и с упрямым лицом присела на кончик стула.
– Что она там – всё спорит? – спросил Одинцова Булгаков.

За столом Митя что-то говорил, не повышая голоса, но часто поднимая вверх брови и разводя руками.

Нюра сидела красная, надув губы. Ответы её становились тише, спокойнее, потом она встала, взяла со стола листок и молча прошла мимо ребят.

– Поняла наконец, – улыбнулся Васёк.

– Сейчас мне нахлобучка будет, – сказал Одинцов.

– Ребята! – Митя постучал по столу. – Если мы будем высмеивать человека, тогда как мы обязаны по-товарищески объяснить ему его ошибки... – Он строго посмотрел на присмиревших ребят.

– А чего ж она... – вспыхнул Одинцов.

Васёк вспомнил свою заметку: «И правда, если над каждым смеяться, никто и писать не будет».

Когда Митя кончил, он подошёл к нему и сам сказал:

– У меня тоже как-то нескладно получилось с заметкой.

– Сейчас будем читать, – сказал Митя. – У меня остались три заметки: Одинцова, Зориной и твоя.

Одинцов услышал свою фамилию и насторожился. У него был важный и ответственный раздел – «Жизнь нашего класса». Выбранный единогласно, он очень строго относился к своей работе и не пропускал ни одного случая или события, взволновавшего класс. Теперь он тоже дал заметку под заголовком: «В классе было грязно».

Митя внимательно просмотрел её, улыбнулся и написал: «Принять». К статье Зориной он отнёсся очень серьёзно. Зорина писала о дружбе мальчиков и девочек и заканчивала так:

«Многие мальчики говорят: „Мы, ребята, между собой всегда поладим – кому надо, и тумака дадим. А девочку за косу дёрнешь – и то она обижается; значит, с девочками и дисциплину подтянуть нельзя“. А я считаю, что это неправильно, и тумака давать совсем необязательно, только с девочками надо разговаривать по-дружески, а не высмеивать их. Девочкам тоже не надо пересмеиваться и поддразнивать ребят, а у нас есть такие ехидные – это тоже неправильно. Мы росли вместе, учились вместе с первого класса, давайте будем дружить. Я стою за дружбу девочек с мальчиками. Не надо никого обижать и пересмеивать.

Звеньевая З о р и н а».

Читая, Митя всё время одобрительно кивал головой и в уголке тоже написал: «Принять».

Пока Митя читал заметки Одинцова и Зориной, Васёк делал вид, что совершенно поглощён своей работой. Но Митя и на его заметке написал своим размашистым почерком: «Принять».

Потом подозвал Сашу:

– Кто переписчик?

– Я, – сказал Саша.

– Вот ещё три статьи. Кто нарисует заголовок?

– Малютин.

В пионерскую комнату вошёл Сергей Николаевич:

– Работаете?

Митя засмеялся:

– Фабрика-кухня. Стенгазету делаем, журналы подшиваем.

Ребята при Сергее Николаевиче сразу подтянулись; каждому хотелось, чтобы учитель заметил его работу. Васёк тоже хотел обратить на себя внимание учителя.

– Рамка готова! – громко сказал он, деловито собирая кисти. – Булгаков, какую заметку пишешь?

– Четвёртую, – ответил Саша тоже громко, чтобы слышал учитель.

Остальные ребята один за другим подходили к столу с кипой журналов и газет.

– Подшито!

– Готово!

Сергей Николаевич пробежал глазами Лидину заметку.

– Нужный вопрос... Лида Зорина... А... чёрненькая такая, с косичками! – сказал он, припоминая, и взял вторую заметку.

– Мою читает, – шепнул ребятам Одинцов, прислушиваясь, что скажет учитель.

Сергей Николаевич прочитал про себя, потом улыбнулся и прочитал Мите вслух:

– «Сергей Николаевич увидел, что на полу валяются бумажки и вообще сор. Он не начал урока, заложил руки за спину, отошёл к окну и не повернулся к нам, пока мы всё не убрали. А потом сказал: „Чтобы это было в последний раз“. Теперь ребята стараются вовсю. Редакция надеется, что такой случай больше не повторится».

Последние слова Одинцов списал со взрослой газеты. Учитель засмеялся и громко сказал:

– Совершенно точно и честно! А относительно надежд редакции – просто солидно получается!

Он крепко пожал руку Мите, кивнул головой ребятам и вышел.

– Что он сказал? Что он сказал? – заволновались ребята.

– Ты слышал? – спросил Одинцова Саша.

Одинцов сиял.

– Сергей Николаевич сказал «Точно и честно. И просто солидно», – взволнованным голосом сообщил он окружившим его ребятам.

– Честно и точно! Это значит – не наврано ничего!

– Ну ещё бы, Одинцов вообще никогда не врёт!

– Молодец! – радовались ребята.

– Молодчага! – сказал Васёк, хлопнув Одинцова по плечу. Он был рад за товарища.

Саша тоже был рад, но он не понял, что значит «солидно».

– Одинцов! Как это понять – «солидно»? – спросил он. – Ты знаешь?

– Нет, – сознался Одинцов. – А как по-твоему? – Он улыбнулся. – Это, наверно, самая главная похвала. Давай спросим у Мити!

Но Митя стоял уже в дверях и, крикнув ребятам: «Не задерживайтесь долго!» – исчез.

– У него комсомольское собрание сегодня, – сказал Трубочёв. – Сами разберёмся.

– А ты тоже не знаешь? – допытывался Саша.

– Да я знаю, только объяснить не могу. Это о старых людях говорят: солидный! – догадался Васёк.

– А какой же я старый? – растерянно спросил Одинцов, обводя всех удивлённым взглядом.

Ребята прыснули со смеху.

Из соседней комнаты – читальни – прибежали девочки.

– Тише! Читать мешаете!

– Ребята, я «Пионерскую правду» в библиотеку относила, а вы так кричите, что даже там слышно, – сказала, входя, Лида Зорина. – Что у вас тут такое?

Ребята, смеясь, рассказали ей.

– Солидный – это толстый. Сейчас только в библиотеке про один журнал сказали, что он солидный, – объяснила Лида.

– Но какой же я толстый? – обтягивая свою курточку, расшалившись, крикнул Одинцов. – Я спортсмен, человек без веса!

Он действительно был тоненький и на редкость лёгкий.

Ребята опять закатились смехом:

– Одинцов, Одинцов! Это он тебя с Мазиным спутал! Это Мазин у нас солидный.

– Попадёт вам сегодня! Лучше уходите скорей, – кричала Лида, – сейчас из читальни прибегут! И Сергей Николаевич ещё не ушёл. Он с Грозным в раздевалке разговаривает и, наверно, всё слышит.

– Тише! – крикнул Васёк. – Булгаков! Одинцов! Пойдём к Сергею Николаевичу! – Он обнял товарищей за плечи и пошептал им что-то.

– Не посадит он нас вместе – лучше не просить! – с сомнением сказал Саша.

– А может, и посадит. Попросим!

Все трое побежали в раздевалку. Сергей Николаевич, надевая калоши, разговаривал с Грозным.

– Ещё эта школа семилеткой была, как я сюда пришёл, ещё Красным знаменем нас не награждали... – рассказывал старик.

– Сергей Николаевич! – запыхавшись, крикнул Одинцов. – У нас к вам просьба.

– Мы просим... – начал Саша.

– Разрешите нам сесть вместе! – возбуждённо блестя глазами, сказал Васёк. – Мы друзья.

Сергей Николаевич нахмурился:

– Я разговариваю с Иваном Васильевичем, а вы скатываетесь откуда-то сверху, перебиваете разговор взрослых... Что это такое?

– Простите, – покраснел Одинцов, – мы нечаянно... Мы боялись, что вы уйдёте...

– А что вам нужно?

– Мы вот товарищи, мы хотели сесть в классе рядом, – запинаясь, пояснил Васёк.

– Зачем? – строго спросил Сергей Николаевич. Мальчики оробели.

– Чтобы дружить втроём, – сказал Васёк.

– Дружить втроём? – переспросил учитель. – Разве ваш класс делится на такие дружные тройки? А остальные в счёт не идут?

– Да нет, мы просто друзья... ну, закадычные, что ли, – пояснил Одинцов.

– Допустим, что вы закадычные друзья. Это очень хорошо, но усаживаться со своей закадычной дружбой на одну парту – это совершенно лишнее. Я не разрешаю! – твёрдо сказал Сергей Николаевич – До свиданья!.. До свиданья, Иван Васильевич!

– Счастливо! Счастливо! – заторопился Грозный, закрывая за ним дверь. – Что, не вышло ваше дело? – усмехнулся он, глядя на оторопевших ребят.

– Не вышло, – вздохнул Одинцов.

– Отменный учитель, просто-таки знаток вашего брата! – одобрительно сказал Грозный.

Нюра схватила своё пальтишко и выбежала из раздевалки. Она никак не могла успокоиться после сцены в пионерской комнате.

Осрамили. На смех подняли, а сами и вовсе ни одной строчки сочинить не умеют... И потом мама так хвалила её за эти стихи. Разве мама меньше ихнего понимает? И папа хвалил. Правда, папа никогда ничего не дослушает до конца. Он просто погладил её по голове и сказал: «Пиши, пиши, дочка!»

Нюра снова вспомнила смех ребят и обидные остроты Одинцова.

Сами побыли бы на моём месте. Вот и пиши... Митя сказал: «Разве учатся за конфеты?» Может, не надо было писать про конфеты? И ещё Митя сказал: «Пустые стихи. Разве у тебя нет других мыслей: о школе, о товарищах?..»

Нюра глубоко вздохнула и заспешила домой.

Папы дома не было. Папа всегда приходил поздно, и Нюра с мамой обедали одни. Когда девочка приходила из школы, стол уже был накрыт и около каждого прибора лежала нарядная салфеточка. Но сегодня мама запоздала и, крикнув Нюре: «Раздевайся!» – засуетилась у буфета. Нюра повесила пальто и, бросив на стул сумку, исподлобья взглянула на мать. Мария

Ивановна расставляла тарелки, неестественно оттопыривая пальцы, с густо окрашенными в красный цвет острыми ноготками.

– А я, доченька, в парикмахерской была. Такая очередь! Всё дамы, дамы... И все хотят быть красивыми! – Она поправила рыжую чёлку на лбу и с улыбкой взглянула на дочь: – Ну, как тебе нравится твоя мама?

Нюра бросилась на стул и, закрыв лицо руками, расплакалась.

– Ах, боже мой! Что с тобой? Что случилось?

Мария Ивановна испуганно заглядывала в лицо дочери, трясла её за плечи:

– Да говори же! Я ведь ничего не понимаю! Что случилось?

Нюра сбивчиво рассказала про стихи, про насмешки ребят.

– А ты сама хвалила! Нарочно хвалила... И теперь все меня глупой считают... – всхлипывая, повторяла она.

Мария Ивановна гневно закричала на дочь:

– Перестань! Сию же минуту перестань!.. Они тебе завидуют! Понимаешь ли ты? Завидуют!

Слёзы Нюры высохли. Она с изумлением глядела на мать.

Мария Ивановна презрительно сжала губы, сузила зеленоватые глаза и ещё раз повторила:

– Завидуют!

Глава 16

Обида

У Севы болело горло. Он уже три недели не ходил в школу. К нему забежала Лида Зорина. Она присаживалась на кончик стула, раскрывала свою сумку и, пока Малютин списывал с её дневника заданные уроки, поспешно рассказывала ему все новости: Митя болен, без него скучно, ребята ходили его навещать. Трубачёв всё ещё занимается с Мазиным. Мазин даже немножко похудел от этого. Стенгазету они делают без Мити.

Поболтав, Лида уходила. Сева с завистью смотрел, как мимо его окна пробегают школьники. Он чувствовал себя оторванным от товарищей, от школы. Во время болезни он много читал, пробовал рисовать, но после картины, отданной на выставку, никак не мог придумать чего-нибудь нового и говорил матери:

– Я всегда так... нарисую, отдам... и скучно, скучно мне делается...

– Вот и папа твой, бывало, кончит картину и заскучает. Как будто всего себя вложил в неё и ходит опустошённый. А я, наоборот, сдам свои чертежи – и рада-радёшенька! – смеялась мама.

– Потому что ты с готового чертишь, а мы с папой своё придумываем, – серьёзно сказал Сева.

– Конечно. Но разве не приятно тебе, что твоя картина всем понравилась? Ведь это, по моему, самое главное. Разве интересно человеку делать что-нибудь только для себя?

– Ну конечно, я рад, а то все ребята меня таким каким-то считают... – Сева запнулся и с упрёком посмотрел на мать, но сдержался и только добавил: – Я многого не умею делать...

Мать поняла его:

– Сева, я знаю, о чём ты говоришь. Но без этого футбола и всякой чехарды можно обойтись. Они здоровые, крепкие мальчики, а у тебя порок сердца.

– Ну, вот я никуда и не гожусь, мамочка, – грустно усмехнулся Сева.

Мать заволновалась.

– Это совсем не нужно внушать себе. Это пройдёт, с годами ты окрепнешь, но рисковать сейчас – просто глупо.

– Ну ладно, ладно, мама! Я ведь так сказал... Просто я боюсь, что мне никогда ничего такого не сделать. Вот как наши герои.

– Конечно, не всякий может быть героем. Сева, но я думаю всё-таки, что в каждом честном человеке непременно есть это геройство... непременно есть... Ой, Сева, – вдруг вспомнила мать, – у нас плитка зря горит, мы же хотели чай пить. И вечно мы с тобой заговоримся!

Она бежала с чайником в кухню и на цыпочках возвращалась обратно:

– Тише, Севочка, весь дом уже спит, только мы с тобой никак не угомонимся. И каждый день так. Завтра же сделаю строгое расписание.

Но строгое расписание не помогало. Мать приходила с работы поздно, за день у обоих накапливались разные новости – времени для разговоров не хватало.

– Сева, пей чай и ложись спать... Положи, положи книжку. Я не буду тебя слушать.

– Подожди, мама. Я только один вопрос... Почему это говорят, что трус умирает много раз, а храбрый один раз? Как ты это понимаешь, мама?

– Как я это понимаю?... – подняв глаза вверх и сморщив лоб, начинала мать и вдруг, спохватившись, сердито обрывала себя: – Никак не понимаю! Опять ты меня в длинный разговор втягиваешь, Сева...

Когда Сева был болен, мама вставала ночью, осторожно щупала ему лоб, утром торопилась приготовить еду и, уходя, уговаривала сына, чтобы он не переутомлял себя чтением и не выдумывал себе никаких занятий.

– А мне сегодня лучше, мама! Куда лучше! – каждый день заявлял ей Сева. – Ты не беспокойся!

Сегодня в первый раз Севе было позволено вый-ти. Он решил зайти к Саше Булгакову и узнать у него, что задано на завтра, так как Лида уже два дня не приходила.

Закутавшись тёплым шарфом, Сева вышел на улицу. Непрочный мартовский снег сби-вался под ногами в грязные комья. Саша Булгаков жил недалеко. Сева хорошо знал его улицу и дом, так как в прошлом году, когда Саша был болен, Сева приносил ему уроки. Но теперь, по рассеянности, мальчик долго путался, заглядывая в чужие дворы и припоминая номер дома. Наконец в одном дворе он узнал одноэтажный флигель, где жил Саша.

«Сейчас погрееюсь, возьму уроки, узнаю все новости!»

Во дворе маленькая девочка в тёплом платке с длинными пушистыми концами усаживала на санки крепкого, толстого мальчугана в больших валенках.

– Положи ноги на санки, а то они будут по снегу ехать. Ну, положи свои ноги! – хлопотала она.

Мальш, опираясь на санки, шевелил тяжёлыми валенками.

– Да не поднимаются они, – уверял он девочку. Какой-то высокий мальчик в шапке, без пальто подскочил к мальчугану, вытащил его из санок, сел на них верхом и крикнул:

– Н-но! Поехали!

Девочка схватила за руку малыша и замахнулась на мальчика.

Когда Сева вошёл в длинный коридор, со двора послышался громкий плач, и тотчас в углу открылась дверь, из неё выскочил Саша. Не заметив товарища, он пробежал по коридору и бросился к девочке.

Сева выглянул во двор. Чужой мальчик дёргал девочку за пушистые концы платка и, сидя верхом на санках, кричал:

– Н-но! Поехали, поехали!

Мальш сбоку старался столкнуть обидчика с санок.

– Эй, ты! Брось! – сердито закричал Саша.

Мальчик вскочил, отбежал в сторону и, кривляясь, завизжал:

– Ох, ох! Деточек обидели. Караул! Нянечка пришла!

– Дурак! – вытирая носовым платком мокрые щёки сестрёнки, крикнул ему Саша. – Свя-зался с малышами! Попробуй только тронуть их ещё раз!

– Ещё раз, ещё два!.. А что ты мне сделаешь?

– Тогда посмотришь! – показал ему кулак Саша.

Он был очень рассержен и тяжело дышал. Сева уже хотел поспешить ему на помощь, но дверь в коридоре снова открылась, из неё вышла женщина, поставила на порог ведро с мыльной водой и, крикнув: «Сашенька, вынеси помой!» – поспешно ушла.

– Го-го-го! Сашенька, вынеси помой! Постирай пелёночки! – запрыгал мальчишка.

Сева увидел красное, злое лицо Саши. Не замечая товарища, Саша схватил ведро и молча, не оглядываясь, потащил его по двору, сопровождаемый насмешками. Сева поспешно вышел и решительными шагами направился к обидчику.

– Ты подлый человек! – сказал он, поднося к его носу свой худенький кулак, и, круто повернувшись, направился к воротам.

У ворот он услышал, как, возвращаясь назад и позвякивая пустым ведром, Саша презри-тельно говорил мальчишке:

– Ну, и что ты этим доказал? Что ты этим доказал? Я на тебя плевать хочу! Ты хулиган. Я с тобой даже связываться не буду. А за ребят когда-нибудь так дам, что своих не узнаешь!

«Расстроился, – подумал Сева. – Хорошо, что меня не видел, а то ему неприятно было бы...»

Он тихонько пошёл по улице к своему дому.

В этот день была суббота. Для Саши это был самый трудный день в неделе. В субботу мать купала ребят. Придя из школы, Саша наливал ванночку, менял воду, выносил помои, укладывал в кровати выкупанных ребятешек. В такую-то минуту и попал к нему Сева. А перед этим, сразу после уроков, Одинцов и Васёк Трубочёв звали Сашу на каток.

– Пойдём! Ведь последние зимние денёчки. Скоро каток растает! – уговаривали они его.

– Да не могу я сегодня. Мать ребят купает. Давайте завтра пойдём.

– Ну, завтра! Я и коньки в школу принёс, чтобы домой не заходить, – говорил Одинцов.

– А я вообще не люблю откладывать. Решили – значит пойдём, – заявил Трубочёв. – Это у тебя всегда дела какие-то находятся. Пусть мать сама купает. При чём тут ты?

– Чудак! – усмехнулся Саша. – А кто же ей помогать будет? Одной воды сколько натаскать надо! И вообще... она моет, а я вытираю. Ведь у нас мал мала пять штук... Одна Нютка самостоятельная.

– Фью! – свистнул Васёк. – Так это ты их и до ночи не перемоешь.

– Да пойдём! Скажи матери – может, она за-втра их выкупает? – спросил Одинцов.

– Ну ладно! Зайдём ко мне. Вы постоите, а я спрошу, – согласился Саша.

Ребята зашли. Пока Саша бегал спрашиваться, Васёк говорил Одинцову:

– Чудак Сашка: вечно со своими ребятами нянчится!

– Ну, – протянул Одинцов, оглядываясь на Сашину дверь, – ему же нельзя иначе. У них отец целый день на работе, а детей куча.

Саша вышел:

– Ребята, идите! Мне никак нельзя: завтра воскресенье, отец дома, – ему тоже отдохнуть надо.

– Значит, не пойдёшь? – хмуро спросил Васёк.

– Не могу.

– Ну ладно! Идём, Трубочёв! – звякнув коньками, сказал Одинцов.

Саша с сожалением посмотрел им вслед и открыл свою дверь. В кухне над плитой поднимался пар, на двух стульях стояла детская ванна.

– Кого первого? – не глядя на мать, спросил Саша.

– Меня! Меня!.. – запрыгали вокруг него малыши.

– Витюшку, – сказала мать.

На кровати ползал малыш с закрученной на спине рубашонкой. Он протянул к брату пухлые ручки и что-то залепетал.

Но Саша молча стащил с него рубашонку и, пока мать пробовала локтем воду, удерживал подпрыгивающего на кровати малыша.

– Расстроился, Сашенька? – спросила мать.

– Ещё бы... Товарищи на каток пошли, а я тут как банщик какой-то...

– Ну что же, иди тогда. Я сама как-нибудь, – вздохнула мать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.